Анатолий Побаченко

Околок жизни

АНАТОЛИЙ ПОБАЧЕНКО

О К О Л О К

Ж И З Н И

С Т И Х О Т В О Р Е Н И Я,

С Т А Т Ь И, З А М Е Т К И

2012
Новосибирск

ББК 84 (2 Рос –Рус) 6-5
П 41

В новый сборник вошли стихотворения, открывающие мир нашего современника, его боль и утраты, стихи по мотивам эпиграфов из творчества А. Пушкина, М. Цветаевой, цикл стихов памяти В. Шукшина, статьи о творчестве Н.Рубцова, В.Набокова и некоторые заметки о первых сборниках новосибирских поэтов.

П 41 Побаченко А.Н. Околок жизни. Стихотворения, статьи, заметки. Новосибирск. Стр.

© Побаченко А.Н.

Часть первая. Стихотворения

1. «Моё гнездо»

* * *

Стихи придут к тебе нежданно,
как телеграмма,
зычный свист,
и ты от них какой-то странный,
готовый бросить в белый лист –
полоску озера косую,
из тонких жёрдочек мосток,
костянку, ягоду лесную,
да звёзд безудержный поток,
да крыльев плеск родной синицы,
золотоствольный тёплый бор,
околок жизни,
что мне снится
с далёких зорь,
с безвестных пор…

* * *

Голубыми сугробами
радостна Русь,
в её шали серебряной
прячется грусть.
Полушубками серыми
скрыт окоём,
неразбуженным селезнем
спит водоём.
В новогоднюю ноченьку,
в дикую стынь,
полуголеньких деточек
нянчат клесты.
Обогреет дыханием
просини рек,
мир тревожный, оснеженный,
и – человек.

* * *

Утешить душу песнею метели!
В её надрывном голосе б – узнать,
как ты щедра, февральская казна,
твои ветра все уши прогудели.
О этот пух крутящейся кудели!
Снежинок рой попробуй-ка унять,
а ветер – но того-то где понять? –
освистывает бренные скудели!
И тут как тут – знакомая синица,
подвижница, искусница, певица!
Ей подарю свистульку дней моих.
Смелее дуй, чтоб томный звук топшура
пришёл ко мне порою зимней, хмурой,
напомнить сказа дремлющего стих.

* * *

Моя родина простая –
степь, Казанцево, Чаны.
Синь озёрная такая,
словно не было войны.
Здесь когда-то прямо с лёта
конник бросил: «Ведь война!»
Косарям нашлась работа,
живо поле, жив и я.
Выросли. И сена – клади.
Дров навалом. Полон двор.
А любимые полати
не закрыли мне простор.
Погляди – на красном плёсе
томно плавает баркас:
это топят в махе вёсел
рыбаки вечерний час
И душа людей такая –
вечно ластится к добру.
Ветры стелются, играя,
успокоятся к утру.
1962

Деревце

По колено в снегу,
средь болота,
стынет деревце,
богом забытое,
но спасёт оно,
верю,
кого-то,
душу малую,
долей избитую.

В стужу вынесет
лютую замять,
отвернётся
от ветра холодного,
приголубит снежинку
на память
и зайчонка
накормит голодного.

Но не просит взаймы
и не клянчит,
перед кочками днём
не торгуется,

чуть поскрипывая,
лялечку
нянчит
да всё личиком белым
любуется.

* * *

Моё гнездо –
в равнине плоской,
среди приземистых холмов,
где колкам чужды пышность, роскошь,
где сёла – несколько домов.

На солонцы, на гривы в чёрном
весенний гром прольёт слезу,
тогда – и в камышах озёрных
ондатре радостен Сузун.

В прогалинах махалок – тыщи,
как воинов былых времён,
а может, в них-то хана ищут
по теням выцветших знамён?

Дым пушек видится в долине…
Или то выдохнула тьма
до окоёма облак длинный,
седой предутренний туман?

А над заброшенным гнездовьем,
над прошлогоднею мечтой,
летят грачи, как песни вдовьи
о жизни прошлой, золотой.

Они летят над свежей пашней,
что плугом поднята вчера,
о чём молчат, сейчас неважно,
пусть рвут их пёрышки ветра.

Всего дороже мне
гнездовье,
где тихо нежится душа
да ветка тёплая
с любовью
растит, качая, голышат.

* * *

Мы к свету
осокой пробились
из горькой военной поры,
с живыми навек породнились,
спасибо отцам: помогли.

Гордились морозом, болотом,
берёзкой невзрачной, кривой,
и выросли с женским народом
под залпы второй мировой.

И гнёт лагерей и указов
о страшных ржаных колосках
мы жалкою кожею таза
познали тогда на века.

Вновь ярость открытых полянок,
убитых прикладом идей
бросает нас, трезвых и пьяных,
к нетленным останкам людей.

Ничто затупить нас не сможет,
не всех задавило ярмо.
Несметные силы умножит
зелёный бессмертный гормон.

Осокой
мы к свету пробились
из горькой военной земли,
водой родниковой умылись
и в тысячелетье вошли.

* * *

Нам всем пора
лечиться первым снегом,
не солью, не песочком, не свинцом,
а бесконечной ширью – синей негой,
над головой светящейся венцом.

И как бы мы
ни зарывались в землю
и ни боялись грозного меча,
я никогда для друга не приемлю
сухую ложь от доброго врача.

Пусть лучше новь
отточенною сталью
последних дней – отрубит белый свет,
но будем жить сиреневою далью
и знать, что Обь струится много лет.

Нам никуда
не деться от мороза,
от крепкого настоя Барабы,
от слова, отчеканенного в росах,
и богом предназначенной судьбы.

Слова растут
под тёплою грибницей,
на выселках,
где лебединый пух
сминает тьмы холодные границы
и утверждает россов дерзкий дух.

Но если вылечусь я
первым снегом,
а сердце разом вырубят свинцом,
то знайте: моет русский alter ego
водой из озера своё крыльцо.

* * *

Мы жить ещё не начинали,
уже пора и умирать.
Кому достанутся те дали,
что не осмыслили вчера?

Кому достанутся печали,
мои наивные мечты?
Они – отроду степь качали
и в жизнь ложились, как пласты.

Не годы пройдены – минуты
потерь, находок у судьбы,
её невидимые путы
готовы с детства для любых.

Но мною видится спасенье –
в строке обугленных стихов,
в ненастье, в горечи осенней,
и – в искуплении грехов.

Пусть развернётся даль чужая
голубоглазою рекой,
и душу, светом очищая,
подъемлет к небу высоко.

И горевать бы нам не надо,
а коль предвидится итог,
знай: широка дорога к аду,
как необъятное ничто.

2. Пушкинские эпиграфы

1

По звонким скважинам пустого тростника…
«Муза»

Смастери свистульку мне на память,
вырежи из ветки молодой,
тальниковой, пахнущей грибами,
дягилем, осокой и водой.

Чтобы звуки плавали степные
по безбрежной зелени земли,
строчки б зарождались зазывные,
укреплялись духом и росли.

Пусть особо выльются наружу
из моей обветренной души
кольца дыма сладкого из ружей,
отгремевших в струях камышин.

И чтоб ветер по-над Обью плакал,
зверь лечился доброй тишиной,
я хочу, чтоб степь звенела злаком,
шмель гудел натянутой струной…

Смастери свистульку мне на память,
из талины вырежи весной,
выйду я из колка, как из бани,
с дудкой изумрудною, резной.

2

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.
«Весна, весна, пора любви…»

Пора в бега! Рога оленьи
поднять готовы серый день!
Снегами вспороты колени,
мечта – увидеть свою тень.

Пурга, открытая страница,
чистовиком летит в глаза…
В ней белой бабочкою мнится
резвушка рифма-егоза.

Под свист закрученного ветра
ездок уверенно ведёт
сквозь падеру и километры
хорея сдержанный полёт.

Как вдохновенное начало,
Звезда Полярная – горит,
хотя ни разу не встречала
на льду танцующих харит.

Лишь только севера кочевник
торит упорно путь в снегах
да Гончих Псов скрипит ошейник
в тех удивительных бегах.

3

Приди, как дальняя звезда…
«Заклинание»

Свети в пути,
морозная звезда,
оставь,
не упрекай меня
в бесснежье.
Ты всемогуща,
знаешь что отдать
на этом, белом,
или том прибрежье.

Ты не любима.
Новое тая,
вдруг высветишься
необычной гранью:
вот поворот ножа,
а вот тала –
поникла к долу,
выстелилась ланью.

Тепла нет от тебя.
Его не жду.
Но благодарен
свету глаз ионных,
не променяю я свою звезду
на тысячу других
в эфире звонном.

Не потому,
что ярче есть, теплей,
а то, что лёгкою
мечтой-снежинкой
летишь ко мне,
в объятие полей
и осыпаешь
серебром вершинки.

4

К подножию ль стены далёкого Китая…
«Поедем, я готов…»

Растворись навсегда –
среди песен осенних,
подошедших с дождями
весёлых ветров,
среди шёпота листьев
и гула селений,
среди доброго баса
глухих вечеров.

То вон дятел ударит
многоточьем в берёзу,
чей-то хрустнет
под тяжестью дня позвонок,
то в околке,
почуяв лисицы угрозу,
испугается дó смерти зайчик-пенёк.

Может быть, в этом плаче,
надрывном, последнем,
нужен голос и мой,
еле слышный в бору,
чтобы всласть насвистеться
дудой однолетней
и прибиться листочком
к чужому двору?

Чтобы также влететь
в этот хор незаметно,
как жулану в декабрь! –
захотелось и всё,
чтобы жить
бесконечно, беззлобно, безбедно,
как живёт на руках моих
строчка Басё…

5

Надо мной в лазури ясной
Светит звёздочка одна…
«Незавершенное…»

Полюблю
осеннюю остуду,
хруст стекла под пяткою своей.
Разобью
на озере посуду –
тысячи тарелок серых дней.

Это ли не счастье:
пить истому –
уходящей осени вино,
поклониться
берегу родному
и подумать о судьбе иной.

Может статься –
не видать Парижа,
Рио-де-Жанейро – не по мне,
вот Чаны да гривы как-то ближе,
еле видный колочек – во тьме,

тёплая дорога в чёрной ночи,
мерный бег усталых лошадей
да в заре далёкой –
рыси очи,
звёздочка весёлая
в бадье.
2006-2007

6

Чего тебе надобно, старче?
«Сказка о рыбаке и рыбке»

Брёл старик в лохмотьях серых,
чуть живёхонький, косой,
с удивительною верой
в свет отеческий, большой.

Не устал в пути качаться
на промокших камышах
и лениво возвращаться
к полустиранным вещам.

Вот дрова, ещё сырые,
надо их потормошить,
вымыть ноженьки Марии,
а Ивану – пим подшить.

У деревни – сбрызнуть крыши,
трубы вычистить, чувал,
пошуметь, чтоб внук услышал
и спокойно ночевал...

Брёл старик
в лохмотьях серых,
чуть живёхонький,
косой,
с удивительною верой
в свет отеческий,
большой…
1994

3. Цветаевские эпиграфы

Под тёмной тяжестью верблюжьих тел –
Мечтать о Ниле, радоваться луже…
«И вот, навьючив на верблюжий горб…»

1(I)

Подходят осенние дни
и свет застилают порою…
А ты – подними воротник,
гуляй под верблюжьей горою.

Пусть давит она, словно гнёт,
но выстоять в ней – постарайся:
замедлится ворона лёт,
неистовый сломится Тайсон.

И в сырости серых свищей
найди улетевшее лето,
где лес – наводненье клещей,
где солнце – на блюде омлетом.

Порадуйся остову слов,
что листья упали на землю,
что несколько светлых голов
набиты желтеющей зернью.

Что столько воды у тебя,
что не было, помнится, сроду.
что вон – у того воробья
так много сырого народа.

(II)

Шерсть верблюжья разбросана в море,
пахнет спиртом высокая даль.
Вновь замедлилась поступь теорий,
где мешок твой, Иван Калита?

Собирай это золото даром
в мешковину желтеющих нив…
Звон есенинской грустной гитары
я услышал и сердцем поник.

От того ль, что погожее лето
утонуло в осенней траве
или жнив золотых эполеты
оборвёт белокурый Равель?

Только посвист родимой синицы
мне напомнит – живём-то не зря,
и горят бесподобные спицы
в колесе моего октября.

2

О летящие в ночь поезда…
«Вы, идущие мимо меня…»

Вы куда, о летящие в ночь поезда?
Где звезда, о пристанище взглядов?
Затаённого сладкого яда
ждут мои онемевшие за день уста…

Догоняет закат танцовщица Дега,
крутит пыль от луны? чёрных лилий?
Рельсов сталь в жарком дне закалили,
но свинцом параллелей в тумане легла.

Неужели и нас унесут голоса
мимо тёмных берёз, вдоль ограды,
в загустевшие краски заката,
в два последних огня – молодые глаза?

Но тверда неустанно железа узда.
Грозный всадник без устали гонит
то зелёные, синие кони
в бесконечно идущие строем стада.

Так и жизнь пролетит, отгремев, отзвенев…
И стою на перроне пустынном,

и мерещится сумрак-суглинок
в многозвёздном холодном игристом вине.

3

Я себя схоронила в небе…
«Свидание»

Позабудь обо мне и поплачь.
Легче будет тебе, может – мне.
Время встреч – одинокий палач,
отрубил мою голову снег.

Как безжалостен холода лёд,
синь-остуда пронзила насквозь:
изнутри к свету тянется крот,
подрывая железную ось.

Где-то там, наверху, ты живёшь,
захоронена пледом беды…
Потому-то и медленно пьёшь
окоём легковесной воды.

Не забудь, одинокий палач,
семимильные наши шаги…
Снег идёт – пожелайте удач
тем, которые стали враги.

4

А в единственном окне –
Снег, снег, снег.
«Я бы хотела жить с Вами…»

Первый снег упал на землю,
закружилась голова…
Неужели не приемлю
эти белые слова?
Вот они лежат и дышат
робко как-то и чуть-чуть
и, возможно, мне напишут
письмецо. И получу –
белый свет в окне открытом,
в белой рамке – белый дом,
белым облаком обвитым
я – со свежим молоком.

А в окне – лицо любимой,
смех немой, но обложной…
Мы с тобой два нежных мима
с неожиданной весной.

5

Пространство, пространство,
Ты нынче – глухая стена.
«Заочность»

Остановиться – не дано,
хотя –
дано одно окно,
в котором
высажено дно
ударом солнца.
Заодно
в нём скрылись
глупые мечты,
что был и я там –
молодым.

Свистит могучее ничто –
о злободневном
и о том,
что нет возврата
в день былой,
что поднят пласт
земли парной,

о тайне горьких слёз ночных,
о вечных «а»
и кратких «хны»,
о гранях жизни
с двух сторон,
где неба звон
и тверди стон.
2008

4. «Над солонцами Барабы»

* * *

Отпусти меня
по́ миру,
по́ миру,
я мечтаю ходить лодкой
по́ морю,

по родным камышам
да по заводям,
чтоб набраться ума
мне бы загодя,

на Черемушкин плыть –
до Медвежьего,
посудачить с карасиком
вежливо.

Не держи взаперти.
Я – без гонора,
далеко не прошусь,
не до Одера,

а к малькам-островкам
да тростиночкам,
где листочки у них,
что косыночки,

где трубят выпи
жалобно
вечером,
людям
вроде уже
делать нечего.

* * *

Памяти Н.М. Рубцова

Высохла лодчонка
да рассыпалась,
вновь её, попробуй, собери…
Клюквенкою спелой
слово выдалось,
закатилось под ковёр зари.

И алеет
от того-то
утречком
камушек в Катуни золотой…
Добрый Филя
бродит молча с удочкой,
рядом с ним шагает козодой…

* * *

Лодка,
полная язей,
ткнулась носом в тину…
Подползает тень к лозе,
прячется в куртинах.

Тяжко мне сачок поднять,
вязну в тёплой глине.
Сердцу хочется унять
руки, ноги, спину.

Серебро живое бьёт
вечер укрощённый,
старый язь
потёмки рвёт
светом умащённым.

* * *

Берег скрыт в камышах,
не видать окоёма,
волны тихо шуршат
в одиноком проёме.

Там лодчонка стоит,
тычка брошена рядом.
Тина тайну таит
между раем и адом.

Может,
в берег пленён
тучей стрел –
жёлтых, странных
и зелёный лосьон
моет их неустанно?..

Подошедший
глядит
на вечернюю дрёму,
держит долго в груди
в изумрудинах омут.

Но,
 пронзённый насквозь
острогой или пикой,
он сроднится до слёз
с молодой повиликой.

* * *

Ветрено.
День не задался.
Хмурые тучи бредут.
Я же вконец замотался,
жив,
но в каком-то бреду.

Давит на душу и небо,
радости мало вдали.
Слово бы доброго мне бы,
ласки от тёплых талин.

Где ты,
весёлая лодка,
лодка-долблёнка моя?
Немо, отчаянно, ходко
ты уплыла за ноябрь.

Там –
остывают дороги
лета, весны и любви,
там
без тебя, недотрога,
стынет теченье Оби.

Ветер
сырые поводья
хлещет по серым холмам…
Вечер
порядок наводит,
на ночь закрылись дома.

* * *

Не ловится с утра, не ловится…
Ни чебачка, ни окуня…
И не с кем даже мне обмолвиться,
ни с Макаром, ни с Никоном.
Они в рыбалке более удачные,
наживка у них – сладкая,
плевочки у них более смачные,
рыбочка на них – падкая.
Горько мне. Надо бы поплакаться
на судьбу свою жалкую,
с тучкой серою накалякаться,
половить лучше с Сашкою.
Он у меня дружочек тихонький,
встанет утречком раньше всех,
ждёт у калитки, чтоб я лихонько
не сбежал один – насовсем.

* * *

Май развесил сладко уши,
оживает лес,
на пеньке лохмотья сушит
полуночник-бес.

В тальнике свистит пичужка,
ублажая лог.
Озерцо ещё в ночнушке,
розовеет бок.

Осторожно тёплый ветер
разбудил село.
Трактор важно тянет грейдер,
бороздит крыло.

Замесилось утро круто
на живой воде,
видно кудри Переплута
в голубой фате.

Мне клубок размотай

1

Улыбнись – на дорогу,
на погибель мою.
Мало видишь ты проку
в неизвестном краю.

Я собрался солидно,
хлеб в платок завязал,
и, чтоб не было видно
слёз, потупясь, сказал:

свою грусть не солила б,
не скудела б душа,
всем с другими делилась
и была хороша.

Чтоб моя тополина
хуже всех не росла,
посмотри за калиной,
что горька не со зла.

Улыбнись на дорогу,
руку плавно подай,
не надолго, ей-богу,
мне клубок размотай…

А куда? – и не знаю,

рвусь, рубаха трещит,
может, в горы Алтая
или в новый ощип.

2

Хорошо в степи идти,
видно все дороги,
молоти да молоти,
дай бог только ноги.

По звериному стежку
тянешь, что есть мочи,
прямо целишься к стожку,
а придёшь – к полночи.

Не земля гудит в ногах,
а твои заботы.
Свежесть чудная – в логах,
Барабы красоты.

Тальничок стоит, притих,
словно зайчик, дышит,
птицы учат молодых,
как летать повыше.

За прозрачным камышом
серебрятся тёрки:
чебаки все – нагишом,
язь – в цветной обёртке.

Я волне пожму ладонь,

поцелую пташку,
кину кепку в тишь-затон,
вспомню про милашку.

И меня на бережку
пусть найдёт – разутым,
с повиликою в боку,
с запахом мазута.

Упрекнёт, уткнётся в грудь,
чуть всплакнёт в платочек…
Ведь вдвоём продолжить путь –
легче, между прочем.

* * *

Меж каменных дворов,
где хилые деревья,
между жестокими ударами двери
живут влюблённые,
ломают часто перья
и вспоминают иногда про алтари.

Великий Северный
всесильно тянет воды
и стайки снегирей –
мимо потерь и слёз,
а город в полусне
складирует, как оды,
составы тёплого угля, озона гроз.

Бросает наземь огонёк от сигареты
последний луч...
Опустошён уже проспект.
Куплю в киоске я бутылку «амаретто»,
пущусь по улицам искать себе эффект.

И где-то за углом советского объекта,
вблизи аптеки,
вдруг проявится фонарь,
стихи о незнакомке мне прошепчет некто,
ударит в колокол впервые мой звонарь.

И в полночи сырой –
под общим ли наркозом? –
я буду радоваться каменным дворам:
на крышах греются озябшие стрекозы,
играет с ангелами в прятки детвора…

Метро

1

Гул стоит в метро. И в переходах
каждый день купаюсь в полутьме.
Мороком затягивает своды,
лица холодеют в кутерьме.

Надо бы окурки и бумагу
вымести, вчерашнее собрать…
День проходит медленно, по шагу,
ночь накатит словно бы «ура».

Не могу освоиться с уборкой,
как на лифте – снова вверх и вниз…
И в совке засушенною коркой
светит кем-то брошенная жизнь.

2

При расставанье – улыбнись,
махни рукою.
Не просто двигаются дни,
текут рекою.

В туннеле полотно метро

едва заметно,
его железное нутро
живёт безбедно.

В нём равнодушия полно,
улыбок мало,
нечеловечное оно,
а деньги – налом.

Но ты всегда мне улыбнись,
пойду – спокоен,
ступени вверх,
ступени вниз,
так мир устроен.

* * *

Мицкевич пашет поле,
Некрасов – агроном,
Радищеву раздолье:
он строит новый дом.

У Гончарова память –
не дай бог никому.
Как с Новиковым сладить,
я вот что не пойму!

* * *

По желанью сердца,
тяги ли
в первый колок заверну,
поцелую
дудку дягиля

и засохну на корню.

Продуваемый – под ветрами –
всеми бедами
стою
и сухими своими нервами
хлябь земную
вдоволь пью.

И, когда
наступят проводы
слов прощальных –
в проводах,
пусть споют мне
песню оводы
о растраченных
годах.
* * *

Обновляют церквушки,
соборы,
позолотою светится крест,
и душе укрепляют опоры,
и виднеются дали окрест.

И заезжие частые гости
в благодарность поставят свечу –
то ли памяти старым погостам,
то ли новому шефу-рвачу.

Только –
будут холодные ветры
ещё долго
протяжно свистеть
в колокольнях,
в обугленных недрах
о страдальце Исусе Христе.

* * *

Девушка пела в церковном хоре…
А. Блок

Слышен голос девичий на хорах…
В час заката – душа у окна
каждый день почему-то одна,
удивляя других в эту пору.

Краски неба спадают нескоро,
и об этом не знает она,
выпьет синьки небесной до дна
и шататься пойдёт пьяно в город.

Но в лучах опалённого дня
никому до сих пор не видна.
Обломилась у лезвия кромка.

Позабудь о себе и не комкай
плат узорный, моя незнакомка.
Слышишь, как заливается хромка?

* * *

Во спасение – осенний
тихо льётся свет…
Это, может быть, Есенин
плачет столько лет?..

Немотою напоённый,
землю красит лист –
то ль с берёзы,
то ли с клёна,
но собою чист.

Высоко плывёт по зорьке
чудотворный Спас,
взор внимательный
и зоркий
высветит и нас.

Ничего-то не убудет
лет через полста,
ничего не бойтесь, люди, –
он просил с Креста.

И душа открыта свету,

как берёза дню,
молча слушает советы,
истину одну.

От того, наверно,
мнится
миллионы лет
в тёплом взгляде
серой птицы –
тихий мирный свет…

* * *

Надежду питает далёкая синь.
И день – не такой ещё хмурый.
Я, твой заблудившийся в осени сын,
по листьям шагаю понуро.
Глубокие, верится, дни впереди.
Их много, наверно, у Бога.
Кто может от стужи меня оградить,
кто выстелет к дому дорогу?
Метёт монотонно уборщик метлой,
тепло загоняя к носилкам…
На них-то раскинется осень светло,
сложив как попало пожитки.
Лишь только приветит тогда нас тепло
в цветастом наряде природном,
когда отгрустит, отволнуется плоть,
как Господу будет угодно.

* * *

В долине замерли столбы:
подслушивают вечно,

как жизнь идёт,
кто поднял пыль
и что за быстротечность.
По проводам бегут ручьи
забот, желаний, судеб,
и кто уроки не учил,
и что сказали судьи…
Один прощается с другим,
а кто-то плачет тихо –
давно расстался с дорогим,
и неизвестен выход.
Мечты, признанья, страсть кипит,
душа клянётся – верить.
Купец пытается купить
дешевле русский херес.
И только равнодушна сталь
к любому стону горя.
Ан – от креста и до креста
стопа по плоскогорью.

* * *

Уберите с востока
дождливую тёмную тучу:
она застит рассвет,
мою душу всю ночь холодит.
Отведите её
и столкните скорее под кручу,
пусть на севере, юге
прольются большие дожди.

Не могу я один.
Помогите за Ковш зацепиться,
закрепиться и волю
под утро усилить мою!
В этой сини густой
мне бы снова в рубашке родиться,
камышинкой взойти
в безымянном озёрном краю…

* * *

Над солонцами Барабы
звенит в зените колокольчик,

чекан поёт,
дым из трубы,
сорока на колу стрекочет.

В степи просторно и светло.
Любому гаду есть где ползать.
А сколько срублено голов
не знает век,
ему без пользы.

Любуясь сизой стороной,
обветренной и пряной,
птица
взывает к радости земной,
и злак, волнуясь, колосится.

И луг зелёное крыло
поднимет к небу, чтобы чуять,
как в мире от звезды тепло,
как свет живущее врачует.

Полнолуние

1

Типчак под копытом чужого коня
стонал, солонцом покрываясь,
а ветер неистово хмарь разгонял
и гнал до окраин Курая.
Блистала от жира номада щека
и губы сухие шептали
молитву Луне, и Чингиса река
плескалась в душе и витала.
В походах военных монгол не остыл,
темна по Сибири дорога,
лишь степь Барабы да в болотах кусты
напомнят батыру о многом:
о дали великой, потерянном сне,
о звёздах червонною ночью,
о сочной и сладкой траве по весне,
о снеге, как стае сорочьей…
Летит, как стрела, одинокий тумен,
рвут землю чужие копыта,
и нукер не требует воли взамен:

он предан кагану, испытан.

2

Где рёв раздавался байкальской волны,
где лисьи треухи горели,
вздымалось раскосое око Луны
и жадно глазело на ели.
В темнеющих окнах светилась звезда,
медвяным отливом играя,
в нём русая девка, на цыпки привстав,
тянулась к заре, замирая.
Как ночь, надвигалась в округу орда.
И, красное солнце упрятав,
плеснулась к порогу внезапно беда,
на чёрные доски полатей.
Рванула рука змеевидную плеть…
И степь отшатнулась к обрывам,
не видеть чтоб злобно растущую сеть
в зрачках одичалых, игривых.
Слезою давясь, вновь завоет родня,
и стянутся люди на зовы…
Предутренний холод под всхрапы коня
откроет ночные засовы.
Но правую силу питают роса,
околок, и степь, и отава,
и солнцу поможет зарянка-краса
и тёмную нечисть подавит.

3

Ночь притягательна, колдунья.
Разлито олово вокруг.
Казан кипит, и шапка кунья
топорщится, как чёрный туг.
И тьма в мгновение готова
безмерной тучей степь накрыть,
а горький вкус, чужой, пихтовый,
степняк во сне боготворит.
Клубится пыль вблизи курганов,
свинцом блеснёт ворон крыло,
плывёт – безумье – ураганом
на разорённое село.
Земля гудит от свиста, гика,

качнётся мир уже больной,
не видя радостного лика
под равнодушною луной.
Лишь на востоке брезжит. Синька
светлеет, поднимая дух.
Проснётся скот, сверкнёт росинка,
и гребень вскинет вверх петух.

4

Карасук –
чёрная река, старуха, медленно несущая мешки все в дырах – облака и нечто странное, грядущее. Недвижно, строго полотно, не выдаёт проклятий прошлого. Кровь запеклась: чернеет дно, нет крика женского, истошного. Вдали стога, ворон орда, кочкарник, колки, хмарь осенняя… В ложбине греется вода, на гриве рожь к зиме посеяна. Река не сдержится, всплакнёт, ей не уйти в сторонку южную, себя уютней запахнёт в полу зелёную, корёжную…

* * *

Я умру на рассвете…
А. Прасолов

Я помру на закате.
Может, будет больней
по дороге покатой
уходить при луне.

Вместе с днём успокоюсь,
мирно в ночь уходя,
поклонюсь людям в пояс
камышинкою я,

тихой белой берёзе
и осинке родной…
Покачаюсь на плёсе,
будто взял выходной.

Постою у озёрка,
брошу камень в него…

Лишь вечернюю зорьку
целовать не неволь.

Пусть последний мой выдох –
словно тучка вон та,
что, желанное выдав,
будет светлой и там.

* * *

Чибис над лодкою вьётся,
никнет камыш под кормой.
Озеро – тонкое блюдце
с тёмно-зелёной каймой.

Выпьет ли кто эту воду,
блюдце на пальцы возьмёт?
Плещется небо свободой,
облако пьёт его, пьёт…

5. Из алтайской тетради

Памяти В.М.Шукшина

1

Воскресенье, идём на Пикет!
С каждым шагом – подъём тяжелее.
Сеет дождь, и лесок в молоке,
но дорога – белеет, светлеет.

Я тянусь за друзьями туда,
где легко сбросить горести в реку.
И течёт с поднебесья вода,
и дышать хорошо человеку.

Где-то здесь он сидел в тишине,
расправляя могучие крылья…
Кто бы знал, что Господь в Шукшине
боль вселенскую на люди выльет…

2001

2

Осилю горочку крутую
и – обниму весь белый свет,
пойму здесь истину простую,
которой чище, горше нет:
всё положить за синь родную,
за землю русскую – сполна
и выбрать песню молодую,
уйти туда, где жизнь вольна –
на поиск Правды, слов ядрёных,
на поиск верности, добра,
уйти с Катунью разъярённой
к свинцовым ветрам октября.
И знать всегда,
покуда совесть
свербит мне сердце –
вечны дни,
всё длится сельской жизни повесть,
неиссякаем гор родник.
2001

3

Гора Бекет, гора Манак,
Катунь посередине.
Со мною рядом
друг-кунак
в пальтишке из ватина.
Чужой души здесь не бывать,
родные мы издревле,
кукушке долго куковать,
пусть Бабурган не дремлет.
На страже духа век стоят
и горы, и туманы,
они в себе любовь таят,
как сок земли баданы.
И, чтобы родина жила,
стоять нам друг за друга!
Кто из Москвы, кто из села,
мы все – собрались кругом.
Гора Бекет, гора Манак,
Катунь посередине,

и с ними добрый в жизни знак –
шукшинские картины.
2001

4

Ничего не боялся,
жил всегда для души,
никому ведь не клялся,
шёл из дальней глуши.
Там, взаправду, так тихо,
что услышишь порой,
как поёт облепиха
по-над синей горой.
Если кто и разбудит
моську рыжую вдруг,
то – по улочкам бродит
неприкаянный друг.
Он идёт, бесконвойный,
и дивится заре,
песне новой, прикольной,
у костров дикарей.
Нараспашку рубаха
и круты желваки,
и зелёная птаха
не слетает с руки.
1991

5

Хочу воедино связать рукава,
в таловых куртинах мальки-острова,

до первого света туманы собрать,
порадовать лето, подсолнухов рать.

В студёные воды войти, онеметь,
здесь камешки сводят железо и медь.

Подняться к вершине пологой горы,
измерить аршином себя изнутри

и складную басню рассказывать вслух,
где небушко ясно, где родины дух.
2001

6

Отцвела калина по тебе весной.
Галечник да глина за кривой сосной.

Холодна водица у реки Катунь,
обжигает лица горный колотун.

Вызревает в гроздях новый ясный день,
над селеньем Сростки бродит чья-то тень.

И темнеет синька высоко в горах…
Мне б синицей тенькать на семи верстах,

раз бы мне напиться жадно из ведра,
вдоволь нагрузиться горького добра.
2001

7

Идёт с горы Пикет в простой рубахе парень,
несёт в руках букет из васильков и мари
гостям и землякам, родимой облепихе,
что светит далеко – полям овса, гречихи.

Он в праздник, раз в году, приветит всех на свете,
и с ним всегда – Катунь, Алтая тёплый ветер.
Сюда идёт народ подумать о бессмертье,
найти душе оплот в житейской круговерти.

И пусть у школы в ряд цветут извечно флоксы,
поведать каждый рад судьбе звонкоголосой –
о яростных годах и незабытых зорях,
о радости труда и Чёрной речки горя.

1992

8

Шукшин вернулся на Пикет:
подумать
о деревне милой,
как жить в духовном тупике,
и совесть уберечь от ила.

Подумать
о тебе и мне,
как быть
простому человеку,
коль не становимся умней
для термоядерного века.

И,
душу мыслями свербя,
забыв о сапогах, мундире,
он, видимо,
вобрал в себя
всю черноту
больного мира.
2005

9

Шумит Катунь…
Неудержимо
её движение вперёд…
Клокочет в струях его имя
и вечность камень мерно трёт.

В разливах –
удаль молодая,
в водоворотах – буйство сил,
дрожит прожилка золотая
на тонкой солнечной оси.

И, надрываясь на порогах,

летя в неведомую даль,
Катунь раскручивает сроки,
как бы у времени спираль.

Ещё дела, ещё заботы
и трудный день – спасибо дню,
ещё несметная работа
расставит жадно западню.

Там бьётся жизни кинолента,
звенит калины спелой гроздь,
а на плечах – наказов центнер
лежит… Его – попробуй сбрось!..

И в шуме вечном,
неустанном,
я берегу в своей судьбе
Алтайский край, Пикет, баданы
и стоны диких голубей.
2004

6. «Длинные гудки»

* * *

Снегами лет не остуди меня.
Жива трава под ледяною коркой,
и я надеюсь жить с полынью горькой
и родину на мелочь не менять.
Растаю вдруг – тогда-то изменяй
или тому способствуй, чтобы шворка

была бы впрок: не жалуйся на порку
и не мечтай о первых зеленя.
В сухом снегу всё будет по науке:
одним лежать, испытывая муки,
и ждать, когда поднимется звезда.
Другим певица молодая, вьюга,
свою предложит временно услугу:
зажечь огнём замёрзшие уста.

* * *

За то, что снишься в сумраке ночном
и не уходишь сонно в подсознанье,
за то, что живо робкое признанье
в железном веке, сорном, сволочном,
за то, что снова небосвод качнём
и выйдем друг за друга для закланья,
за то, что нам назначено изгнанье –
грех искупить в растворе щёлочном,
тебя оставить не могу одну!
В плену желанном радостно согнусь
от горьких слов, испытанного братства,
но сохраню – до смертного венца –
спокойный свет красивого лица,
навек тобою созданное рабство.

* * *

Тебя терять – не надо никогда.
Тебя нигде найти я не сумею.
Озёра, что любили, не мелеют,
и не проходят просто так года.
Где ты находишься, не угадать.
Но и найду – при встрече онемею.
От нежных слов надолго захмелею
и не устану, радостный, рыдать.
Живу одной надеждой примиренья.
Душой больной, не чуждой настроенья
погибели, прозрения, мечты,
пойму: когда я до смерти измотан,

пробьётся к сердцу ласковая нота
через тенёты долгой немоты.

* * *

Я жестоким не верил словам,
что в лицо моё бросить спешила.
Мимолётно меня насмешила,
вот такая осталась молва.
Проще было бы яду сперва!
Но на это скупая ты, жила.
И, когда у дверей сторожила,
ты была откровенно права.
Те слова твои смачно жевал
и на злые – небрежно плевал…
(Непривычна картина, убога.)
Но, словарь не желая стирать,
нежных, добрых – начну собирать,
их-то больше пока, слава богу.

* * *

Твоя душа – осенние озёра –
подёрнута ненастной серой мглой,
и взгляд такой, что будто бы иглой
пронзить могла любого визитёра.
И лучше нет в беседе фантазёра,
умеющего скрыть мечты игрой
на струнах грусти. Вот какой изгой
стоит всегда за пультом дирижёра.
Куда же плыть от пьяных вечеров,
от блуда дев, артистов, фраеров,
одетых лестью в белые одежды?
На чём стоит мир гибельных страстей,
где пошлость жрёт откормленных гостей,
что без царя, без веры, без надежды?

* * *

Тебе не тяжелее, чем другим,
на плечи взваливать людские беды.
Они всегда окликнут для беседы,
каким бы не был на ухо тугим.
Готовым будь затачивать плуги,
паши, покуда видятся победы,
порви мечты на простенькие пледы,
дух укрепи – кореньями куги.
Пускай леса полощутся в закатах,
в куртины льются звёздные стаккато, –
земные нам развязывать узлы!
Любовь другим неси, старайся,
на доброе в поступках опирайся
и будь хорошим. Этим бы прослыть.

* * *

Есть прелесть тайная в руке,
когда она берёт за горло
и осторожно, как букет,
сжимает дух высокогорный.

И не торопишься уйти,
запнуться о порог железный.
И думаешь: «Уж не взойти
на пьедестал, мой друг любезный…»

* * *

Ты откровенна, как убийца,

неумолима – острый нож.
Суха, не дрогнула ресница,
и светит равнодушно брошь.

И на прощанье резко ворон
поднимет чёрное крыло…
Нога на газ. Автобус – Воланд.
И вспоминаешь о былом.

* * *

Отвергнут мир. Иль нам война роднее
кроваво-чёрных уст, небрежных мыслей ход?
Достань копьё своё, мой милый Дон Кихот –
унять огонь безжалостной Вандеи.
Сражаться. Умереть. Воскреснуть? Не лелея
высокое в себе, уйти в последний лёт
и помнить, что назад никто не позовёт.
Живут же без претензий. Так умнее.
Но нет границы в днях коротких, золотых,
где цель ясна, прямолинейны взгляды,
где время бешено летит и бьёт под дых,
не оставляя срока, чтоб уладить
в себе, быть может, миг сближения с тобой,
подаренный неприхотливою судьбой.

* * *

Испить до дна бокал вина.
Не задохнись глотком последним!
Отскочит день – окалина,
металл остынет, станет бледным.

Не обижаясь на судьбу,
пройди – что выпало – безмолвно.
И божий гром вернёт рабу
железный цеп из лома молний.

Пленённый раз – забудь в себе

свободный лёт порывов сердца:
и, может быть, тот звон цепей
всего милее, слаще перца.

* * *

Потеряешь друга, не найдёшь.
Сиротеет на глазах – душа.
Чуть затронешь, она словно ёж,
или выльет на тебя ушат.

Маешься, как маятник Фуко,
тычешься об стенку – и назад.
Прикоснуться некому рукой,
успокоить – не найдётся сад.

Что-то выпадает в никуда.
Чёрная, наверное, дыра.
Крутится мучительно радар
в поисках родного алтаря.

* * *

Реальность – вот чего хочу.
Смириться надо бы и мне бы.
И обронённую свечу
не поднимай, себе не требуй.

Пускай то время отболит,
остынет лунною дорожкой.
Я не мечтаю о Бали,
а ты там полоскала ножки.

* * *

Забываешь, что и говорила,
или вне сознания была…
Корни так затягивает илом
некогда цветущая елань.

Это время ускоряет ритмы.
А вот сердцу – некуда бежать.
На остывшем поле после битвы
есть чему убитому лежать.

* * *

Твои слова меня прельстили:
кто слабый, тот всегда убит!
Но почему – иссякли силы
и глаз раскосых ток испит?
С цепей сорвавшаяся свора
секунд – безжалостно грызёт
подножье твёрдое у Гора,
словарь синонимов Гизо.
Их может только успокоить
голубоглазая метель,
насытившийся кровью койот,
седая старость- повитель.

* * *

Морозец крепко нервы остудил.
Иду по снегу – скрип вселенский.
А скрип двери – вдогонку – настыдил,
что не романтик я, не Ленский.

Не окунулся в розовую ложь,
не опустился как-то ниже
туда, где ползает подлянка-ложь
и красота подобна жиже.

* * *

Случайно, у окна свистящего,

в вагоне спальном, просто так
себя откроешь вдруг для спящего,
а он вздохнёт: «Вот простота…»

Спасибо, выслушал. И легче ведь,
светлее стало на душе…
Как хорошо ей быть доверчивой
среди запутанных вещей.

На стыке дней, на стыке личностей
яснеет сумрак бытия,
и мир чуть-чуть поближе к вечности,
где только «мы», не только «я».

* * *

И чертополох имеет мёд.
А. Одоевский

С тобою быть – не надо неба,
вечерних звёзд и полевых цветов…
Луна – глупа, ночи прилепа,
и роза непонятна для ветров.

Пройти – и океан, и горы,
жестокое волнение в словах,
коль в сердце крепок белый корень
чертополоха – и любовь права.

* * *

Прощай, сирень!
Я не вернусь сюда,
где кипень света
помнит нас, возможно,
где объясниться
с нею было сложно:
повелевала острая нужда.

Оставить всё…
Без всякого труда?
Такой мне выпал
вывод непреложный.
И пусть ветра
безумствуют истошно,
весна не боль, а вечная зуда.

В душе сирень осыпалась, опала.
И я, когда в годах достигнув перевала,
взгляну назад, на вьюгу лепестков,

узнаю ль твой невысказанный холод,
чудесный цвет, что жалами исколот,
свободы дух – без сладостных оков?

* * *

Останется со мной твоя улыбка,
единственный светящийся фавор,
а взгляд в ночи – таинственный укор
за глупо совершённые ошибки.
Потонут дни в трясине будней зыбкой
до встреч с тобой, негаснущий собор.
Не выдержать – беспамятства напор,
сверкнёт мечта в нём золотою рыбкой.
Броди, душа, измотанной по миру!
Где половинка, милостивый ирий,
чтобы себя однажды утолить?
Найди содом, расхристанное тело!

Истерзанное – большего хотело:
юдольный путь улыбкою продлить.

* * *

Растут из сердца странные цветы,
невинно тянутся к другому солнцу,
спешат со мной к открытому оконцу –
увидеть свет, и в нём твои черты.
Они в мои напросятся мечты,
распустятся на стебли-волоконца,
взгрустнут о том, что спрятались на донце
ростки любви и корни доброты.
А жизнь-садовник примется за дело,
терзать ветрами худенькое тело.
Цветы, однако, рвутся к высоте!
И, позабыв больничные палаты,
они улыбке, силе божьей, рады,
цветут, не удивляйтесь! – в темноте.

* * *

Если дождь начнётся и зарядит –
сутки, двое лить не уставая,
кто со мною что-нибудь поладит,
коль душа тихонько убывает?
Кто по капле вытянет наружу
горькие слова мои – признанья?
Только я не выдержу, обрушу
наземь утром вспыхнувшие зданья.

Я их строил для твоей погоды
чёрной ночью, отдыха не зная,

из деревьев – редкостной породы,
листьев тёплых изумрудной стаи.

Если дождь начнётся и зарядит
на неделю, месяцы и годы,
кто поправит золотые пряди,
остановит льющиеся воды?
И, ступая по холодным струям,
унося по ним тоску и волю,
я хотел быть облаком построен
и не знать, к чему себя неволить.

* * *

Блесной золотою забросишь меня в перекаты,
где окунь, наверное, словом обмолвиться рад,
где светлые струи стирают печальные даты
на жёлтом песочке ценою в сто тысяч карат.

Но будет ли время с тобою беседовать долго?
Утащит судьба нас в пучину забот и тревог.
В сознании тёмном блеснёт исполнение долга,
и поздно в глубинах почувствовать дикий рывок.

* * *

Я позвонить тебе хочу
и говорить века,
по белому шнуру-лучу
взобраться к облакам.

На диске солнца наберу
счастливый номер твой
и только, может быть, к утру
поникну головой.

Наговорюсь на все года,
что будут впереди.

Нельзя оплату угадать
и просто – запретить.

Когда же время выйдет прочь,
с тобой прервётся связь,
я постараюсь превозмочь
земли холодной вязь.

Сквозь толщу одиноких лет
у Леты у реки
тебе скажу, что смерти нет,
есть длинные гудки.

* * *

В колодец тёмного молчанья
душою робко загляну,
увижу в сумраке печальном
свою великую вину.

Она закована ночами,
обидой крепкой и слезой,
большими звёздами-очами,
густою русою косой.

Быть может, ласковое слово
напомнит мне сквозь холод лет,
как хорошо быть верным зову,
нести другому тёплый свет.

* * *

Мой предок, зверь в медвежьей шкуре,
не знал имён любимых звук,
не слышал в утренней лазури
калитки скрип, в окошко стук.

Не удивлялся звёздам ярким,
когда светились на пути,
и даже ворон, когда каркал,
его ни разу не смутил.

Однако, также видя поздно
во мраке тонущую тень,
в бессильной ярости и грозной
искал в заре идущий день.

И на меня он не похожий,
как я, смеялся под луной
и, рану чувствуя под кожей,
страдал и плакал об одной.

* * *

За всё люблю: за тонкий шелест листьев
в твоей одежде, скромной и сухой,
за беспричинность, нрав неистов,
за звук измученный, глухой.

За сумрак вечера, несхожесть линий,
за тёплое течение бедра,
за прядь, в которой затаился иней
и завиток гусиного пера.

* * *

Когда – ты, я не знаю,
о чём говорить,
когда – ты,
не умею лукавить…
Может быть, эту ночь
засмолить, закурить
и в дыму распуститься руками.

Когда ты,

я не знаю, о чём говорить.
Острый ноготь сосны – ухо колет.
Что бы мне для тебя
на земле сотворить
из цветов, и коры, и заколок?

Я не знаю о чём? О тебе говорить?
Слов не хватит – занять у растений?
И дорогу б назад
серебром заварить
и не видеть могучие тени…

Когда ты, я не знаю, о чём говорить…

* * *

А в глазах – непонятно откуда? –
отсвет жжёной травы,
несказанность осенних этюдов
или охра халвы?

Иль манящая тёмная пропасть
марсианских глубин,
или ветром истёртая лопасть
у тебя, мой люпин?

Может, тёплая корочка кедра
на тропинке моей –
взгляд издревле тоскующей Федры
в краткой строчке твоей?

* * *

Я опрокинусь в тишину
и выльюсь в росы.
Я полюбил тебя одну,
как эти розы,
и этот стол,
и этот дол,
в окне стоящий,
как свет немеркнущий

за то,
что настоящий.

Я опрокинусь в тишину –
в глаза любимой.
Быть может,
вновь живым вернусь
из дней ранимых,
быть может,
там меня поймёшь –
в стране молчанья,
по капле душу соберёшь
для опознанья.

Я опрокинусь в тишину
с одной мольбою
(тебя нисколько не виню,
Господь с тобою),
молю: оставь меня таким,
непреходящим,
и утром ясным –
молодым
в росе блестящей.

1980

* * *

Здравствуй, ласточка моя, щебетунья,
Ласковая, милая вещунья.

Ясное солнышко моё… да ладно,
радость долгожданная отрадна.

Видится вокруг – лёгкое свеченье,

сердце приготовилось к вечерне.

Грезится мне сквозь горести, напасти
песенка весёлая о счастье.

Вырастет она, улетит на крыльях.
Выплакаюсь голосом – апреля,

но дождусь тебя, моя щебетунья,
ласковая, милая вещунья.

* * *

Я виноват перед тобою,
перед судьбою виноват.
Меня когда-нибудь обуют
свинцовой обувью… Не встать.
Идти? И выпросить прощенье,
не расплескать в груди тебя?
Ты – это лучшее леченье,
непотопляемая пядь.
Подняться вверх на три ступени,
хлебнуть свободы второпях,
оставить в прошлом слёзы, пени –
слова в потёмках докипят.
Дождаться света. Брезжит.
Утром
светлее станет на земле…
Любовь придумал кто-то мудро,
разлив обманчиво елей…

* * *

Откроешь душу настежь,
свободная, идёшь,
и, с нарастаньем страсти,
как водку, небо пьёшь.

Тебя ласкает ветер,
целует солнце в лоб,

и я, как добрый сеттер,
веду с тобою трёп

о коньяке, закуске,
театре, сапогах,
что плавки стали узки,
кольцо не то в руках.

О мужиках стервозных,
что много стало шлюх,
о счастье невозможном
и что теряем нюх.

* * *

Была мгновение со мной,
и то отрадно.
И дышит тяжкою виной
листок тетрадный.
Потерян счёт.
Дела плохи.
Не бью посуду.
Закабали мои стихи,
возьми рассудок.
Я в бездну слова
погружусь,
останусь керном
и одиночеством упьюсь
навек, наверно.

* * *

Надень своё лучшее платье
и медленно мимо пройди…
Глаза, как манящие пади,
пускай не угаснут в пути.

Ты вся как пшеничное поле,

где дышит вселенная всласть,
где дикую чувствую волю
и космоса чёрную пасть.

И ветер заблудится в бусах,
и мне упоительно ждать,
когда твои волосы русы
падут в луговинную падь,

а платье – сгорит на закате,
а песня – растает вдали,
а ночка в карете укатит
по звёздным дорогам пылить…

* * *

Белый свет – тяжёлая порода.
Кто его изучит и поймёт?
Щедрой, благотворной силе рода
каждый своей жизнью воздаёт.

Но бывает – смутны очертанья
правды, лжи. Лопатить не спеши:
очередь для каждого – настанет.
Разве мимо кто-то пробежит?

* * *

Где фиалка, мой цветок?
В.А. Жуковский

Незаметное,
тайное,
нежное
открывается

в листьях твоих.

Что-то тихое,
доброе,
вешнее
нам с тобою дано
на двоих.

Это розовый след –
не заката ли,
тёмно-синий оттенок –
небес?

Не твоим ли дыханьем
загаданный
цветонос просыпается весь?

Трону пальцем
каёмку зелёную,
брызну
тёплой водою слегка,

и желанье своё
затаённое
понесу, как дитя, на руках.

* * *

Юлии Рубекиной

Лялю с лейкой
я лелею,
по аллее – с нею млею.

Жажду пить из лейки.
«Пей-ка!»
Нить – серебряная змейка.

Брызнем слизням –
будет склизко!
Не упасть бы так же низко!

Лист висит,
земля поёт,
человечество – идёт!

7. «Нить синевы»

* * *

Октябрь – настойка из рябиновой крови,
студёной водицы свинцовый припой.
Октябрь – и нахмурилось небо Покрова,
и велено властное: дитятко, спой!
Так вот оно, время, пришло, не забылось,
и белые простыни нам постели…
И грустное что-то в груди моей сбилось,
и рвётся наружу: давай, поделись!
Начнём, трубадуры осеннего лета,
кромсай мою душу, пронзительный лист,
отслужим последнюю горькую мессу
и тихо вздохнём: эх, прощай, стрелолист!

* * *

Клён – большое поле вертолётов малых.
Непогода стонет: осень за штурвалом.

Небо хмурым стало от ветров колючих,
птицам в рваных стаях разве будет лучше?

Только вертолётам не подняться выше:
загрузилось лето и – к земле поближе.

* * *

Под дождями плачут сиротливо гнёзда,
сожалеют: жар-то выгребен и роздан.

Отряхнули птицы лето с крыльев крепких,
поднялись на небо, вспенив наши реки.

В путь далёкий-дольний выбрана свобода,
и поклон равнине наконец-то отдан.

Ветер рвёт на части молодые груди…
Ни за что на свете не вините, люди.

* * *

Зорьки вечерней тяга
держит меня губя.
Эх, перейти бы лягу,
выпи о том трубят.

Вылилось небо в росы,
в чистое серебро…
Думают ночью осы:
кто его – соберёт?

Где – мои палестины,
чистой воды ключи?
Утро сырым палантином
ловит солнца лучи.

А на коряге хилой
лесовичок сидит
и шепелявит мило:
«Душу не остуди…»

* * *

Выйдешь в ночь иногда, слышишь плеск трепещущих крыл,
кто-то вновь высоту – для бессмертья других сотворил.
И – поднимешь глаза – в облака, устало замрёшь,
тихо где-то поют, плачет кто-то и нежится рожь.

Птицы подняты вверх, летят в несказанной дали,
разрывают просторы небес, как полотна Дали.
А заря подняла – подкладку синеющей тьмы,
где по кромке рассвета гуляем голодные мы.

Нить синевы

1
Плесну свою грусть
на угли заката.

Пусть звёзды купаются
в ночном аромате земли.

2
Прошла гроза.
И добрый Бог
отдувается,
дразнит детством.

3
В полдень
сверкнут глаза
итальянки Брюллова
и погаснут –
в листве смородины.

4
Тянется по закату
тонкая нить синевы,
вдену её в ушко ночи
и зашью
изодранную днём
душу.

5
Загадочно кто-то
крикнул в траве:
«Оду, Вань, чик!»

7
Узнаю руку
великого Фидия –
в гранях росы.

* * *

Я к вам травою прорасту…
Г. Шпаликов

Как все, наверное, и я.
Травою прорасту, околком.
Окликнет, может быть, Хайям
читать рубаи без умолку.
…за горизонт гигант упал,
ночное небо пахнет спиртом,
и глаз один – чужой опал –
расплавился на свежих скирдах.
Забрезжит свет траве моей:
ты появилась грустной птицей…
И, разбивая лунный свей,
собью слезу клинком ресницы.
Молчу китайскою стеной,
невидимой в огне заката,
за это – в сумрак ледяной
я буду облаком закатан…
Наверно, так. Когда же я
опробую травы соленье,
неужто
морда рыжая
меня сжуёт, смакуя ленью?

* * *

Будет жажда и мне
превратиться в цветок полевой,
воздух рвать на куски
безымянным упругим крылом,
в корневища земли
попытаться уйти с головой,
опрокинув дожди
и мечты о земном, о былом.

Нескончаема – песнь
белых звёзд и планет круговерть,

в беге бешеных лет
не теряется в терниях твердь.
Так и сердце моё
всё торопится к свету лететь,
и любви не страшна
Аполлона жестокая плеть.
* * *

Но не стоит обольщаться, люди,
что когда-то прорастём и мы:
голова запомнилась на блюде,
и живёт воинственный эмир.

Это потому-то, что по буквам
человек изведал прошлый день
и донёс его по ноутбуку
до любого, любящего тень.

Но под слоем двухметровой глины
ближе и теплее ком земли…
Чёрной речки ток какой-то длинный,
знать его Господь нам не велит.

И не стоит обольщаться, люди,
плотно двери заперты в раю.
Было бы в каком-нибудь приюте
корка хлеба, баюшки-баю…

* * *

Клин журавлиный отравлен печалью,
новой печатью любви и «прости».
Если не ты, то кому же начать бы,
нет ведь начальства в душе маеты.
Падает память в болото безгласно,
ты моя ласка, белая ласка.
В небе стожары – печечки классные,
чернеть из кляксы дёрни за лацкан.
Между тобой и мной клин-то немалый,
вечным обманщиком тянет вперёд.
Сердце за воздух держаться устало,
талое место – где ты и народ.
Острой занозой пронзается небо,

где бы ты ни был, найдётся тебе –
память-отребье и корочка хлеба,
полочка в нише тартара – скрипеть.
Только взлететь бы, подняться над пылью,
Пырьев поможет, ему не впервой,
чтобы себя из пространства не вырвать,
клин журавлиный – в тоске мировой.

* * *

…И весь в черёмухе овраг.
В. Набоков

Где овраг тот,
и кипень черёмухи,
и зелёный рассвет в пять часов?
До чего ж тяжелы ночью шорохи
и железный советский засов…

Вот бы выкатить пушечку малую,
к ней за крыльца меня б привязать!
Пусть порвёт душу тёплую, талую,
дым отечества, чья-то слеза…

Встрепенётся от выстрела пташечка,
косо глянет на скорый расстрел…
Ниспошлёт кто-нибудь, может, пасочку
мне сквозь полымя солнечных стрел.

* * *

Есть за что поэту гибнуть,
гнать себя на эшафот,
славить век, и ужин рыбный
получать оплатой в рот.

Полоскать зарёю горло,
пропускать мимо ушей
мерзкий шепот, хохот орлий
государственных мужей.

Слово острое не пряча
в тайниках и в сапогах,
он поднимет к жизни клячу
и умрёт в её ногах.

Не Раскольников – не кайся,
но пошёл – возврата нет.
Кто стихами день украсит,
тот живёт сто тысяч лет.

* * *

На базаре веников – навалом.
Свеженькие… Ну-ка – налетай!
Чувствуешь: берёзовым отваром
так и прёт… Жарку ещё поддай!

Кто не любит баньку-то к субботе,
кто не рад ей – надо поискать!
Хороша парная, как работа –
копны поднимать на три рожка.

Правда, ухо режет слог корявый,
сердце лижут выплески огня:
меньше стало беленьких, кудрявых,
больше их, плакучих, у меня.

* * *

Кошку били беспощадно,
на глазах рвалось тряпьё.
Били кошку зверски,
складно
за проступочки её.

Кирпичом простым, калёным,
кто поленом,
всё с руки,
пахло жареным, палёным…
Только
слабы кулаки.

Позабыв на дне канавы
смерть, и страх, и свист бичей,

подползла к плетню расправы
на своих взглянуть зверей.

Сквозь кровавую завесу
видит добрая душа:
льнёт к берёзоньке повеса –
злое сердце остужать…

На переходном мосту станции Инская

Забыты росы, перелески,
рабочий день, Оби раскат.
В душе – Норд-ост,
на сцене – пляски,
где смерть стреляет наугад…

…на остановке –
мне знакомый
махнул рукой, он с виду прост.
А рядом мой работник скромный –
грохочет грозно грузный мост.

Летит стрелою поезд длинный,
Инская дышит тяжело:
ведь кто-то тянет ночью «стингер»,
«иглу» нацеливает зло.

И я –
на улице Узорной –
остерегаюсь воздух пить,
спешу, бегу –
как будто в горы,
чтоб человека там убить.

Но ртом ловя густые струи
в две тысяча
своём году,
под пули белые иду я
и в первом
падаю ряду.

И, наконец-то! окрик резкий

пролётной птицы –
я ей рад.
Закрыт Норд-ост.
И север низко
ведёт снега к нам наугад.

2002, октябрь

* * *

Юным следопытам

Нет, не закончилась война.
Лежат ещё солдаты…
Где зреет рожь, жива копна –
находят их ребята.
Где пролилась густая кровь
за Родину святую –
идёт по следу юность вновь,
несёт им дань простую.
Страна была на всех одна,
как небо для полёта,
и потому всех знать должна
у ржавого расчёта.
И память вечно будет бить
в набат и звать, покуда
нам горечь-чашу не испить,
не вынести остуду.
Нет, не закончилась война,
ещё лежат солдаты,
ещё мы на похоронах,
и нет последней даты.

* * *

Чтобы моё поколение было последним
поколением фронтовых поэтов…
Ю. Друнина

Прощайте, фронтовые поэты.
Вы сделали дело честно,
поклон – до земли за это,
за то, что другим неизвестно.
За то, что, оставив в слове

след сапога и приклада,
связали другим пуловер
из нитей дождя и ада.
Что вы судьбу разделили
с народом своим огромным,
перо в огне закалили
под Сталинградом и Ровно.
Прощайте, мои поэты…
Не знаю: буду ль уверен,
что это – последнее лето,
последние в нём потери.

* * *

Как проходят года,
пролетают ветра,
по судьбе оставляя позёмку,
так гремит в сорок пятом
над снегом «ура»,
фронтовая кипит киносъёмка.

Каждый год, каждый шаг
нас в бессмертье зовёт
неразгаданная тайна солдата,
и мечты убиенной высокий полёт,
и победы великая дата.

В мае часто грустны
отголоски зимы,
неустойчива речь непогоды,
и качается во поле
новенький мир
на продрогших от холода всходах.

В том параде ночном,
где ни зги не видать,
тишина заковала мальчишек.
Медальоны лежат,
нет в округе следа,
командиры друг друга не слышат.

Пули мягко вошли
в плодородие нив,
в беспробудную тёмную тину,

нас с военной поры
навсегда породнив
с крепким запахом трав, с властью глины.

Золотые года, молодые ветра
не узнать вам, солдаты родные:
вы в атаках ночных,
где не гаснет заря
и сердца шлют домой
позывные.

9. Из цикла «Заметы»

Борис Богатков

Решив судьбу стремительной атакой,
сержант ушёл в объятие огня…
И задохнулась, землю очерняв,
своей слюной фашистская собака.

Пройдут года, строка во имя блага
откроется – не время обвинять,
а боль тупую в сердце приунять,
крепить в солдате мужество, отвагу.

На подвиг песня грозная звала:
в бою раскрыв могучие крыла,
взлетела птицей в солнечные выси!

И вскоре он, познав смертельный риск,
пришёл домой, в родной Новосибирск,
снял каску, замер, воин светлолицый.
15.12.1995

Зинаида Гиппиус

Поэт однажды в гости к ней пришёл:
салон, лорнет, изысканные взгляды,
за словом лести – язвы, яства, яды…
Но путь на этом не был завершён.

Что Мережковский в Зиночке нашёл?
Зачем ей снились белые отряды?

Не лучше ль море, синие наяды
и всем ветрам открытый капюшон?

Быть может, в лирике она слаба
(поиздеваться! – вот её судьба),
но не отнять любви – она от Бога!

Шептала слава: «Кайся и остынь!
Но душу рвут – разбитые мосты,
огнём до тла сожжённая дорога.
06.12.97

Николай Гоголь

То колесо добраться не смогло бы
до мёртвых душ, когда б ни он, смеясь,
толкал его. О том, на след косясь,
который день судачат остолопы.

Куда? Зачем? И прётся по Европе,
по сторонам разбрасывая грязь,
увидев странное и подивясь,
задумались о чём-то эфиопы.

Один его благословил, призрел,
ступицу смазал, чтобы наш пострел
летел по камешкам столичным.

Чтобы катилось колесо туда,
в неведомое, где живёт беда
и счастье человека феерично.
14.01.1996

Николай Гумилёв

Во сне рассветы, дальние, чужие,
терзают душу летнею порой –
война опять нахлынула горой:
гроза и ливень, вороны кружили…

Как лавой шли, как родине служили!

Свист пуль казался дьявольской игрой,
и разносили пехотинцев строй
кавалеристов огненные силы…

Но близок час неистовой трубе.
И ввалится грядущее к тебе
кровавым годом, тяжким звёздопадом

и где-то, над задымленной Двиной,
откроет жизни новой, неземной,
ворота рая! иль дорогу к аду?
01.06.1998

Анатолий Мариенгоф

Выбрасывая тросточку вперёд,
как стих, наполненный мечтою,
сноб, щёголь – лирой золотою
в Анатолеград сманивал народ.

Сергей, Вадим свой редкостный зарод
поэм – зальют водой святою
и звёздный тюк кой-как отмоют:
в нём пятна клюквы, сероводород.

А стол, как прежде, бедностью накрыт.
Развратничая, сдерживая прыть,
сочатся образностью слоги.

Петлёй вкруг шеи руки обвязав,
судьбе взглянув потерянно в глаза,
он в зори – выплеснет прологи.
17.02.1997

Эдгар Аллан По

Глаза – подобие волны,
душа его – морская качка.
И альбатрос, и чайка-крачка
от рода дней ему верны.

Подкладку жизни заверни

(страницу только не испачкай),
здесь смертному дана задачка:
до гроба тайну сохранить.

И в горне адовом, могучем,
с ним был невероятный случай:
рождался замысел года!

Он в днях безумия метался
и жаждал смерти, ей бы сдался,
но ворон каркнул: «Никогда!».
26.04.1995

Игорь-Северянин

Нашёл не то, о чём мечтал всю жизнь,
перебирая рифмы в ритурнели.
Его дизель, пристроясь на панели,
тянула длань под горькие гроши.

Приемля только в сердце мятежи,
она цвела на бархате фланели,
но, удержав секрет полишинеля,
могла сирень культурно обслужить.

Припудрено известно всё о нём:
ландо, поэзы, грёзы под вино,
иронией пронзённые напевы.

И на его – идти б колокола,
поверив в золотые купола
и в то, что он среди поэтов первый.
21.01.1996

Иван Фёдоров

Над грудой книг склонился и читает
заглавия взыскующий юнец.
Его душа, трепещущий птенец,
в предчувствии открытия летает.

Голодный ум безудержно глотает
тепло любви и горький солонец.
Грядущее ему в простой венец
листок от лавра трепетно вплетает.

Не веря в силу будущего дня,
он старца молит: «Не зови меня,
я недостоин участи, учитель…»

Но между строк, сквозь хляби и трясины,
шёл знак к нему, колеблющийся, синий –
то нёс свечу великий Просветитель.
15.06.1996

9. «Лети, мой свет»

* * *

В тот час, когда взрывают колоннады,
из пепла, пыли высится вертеп
и гарью пахнет выжженная степь,
и в ней грозой грохочет канонада, –
на стойке бара вин стоит армада,
орёт певец, поддерживая рэп,
визжит девица, согнута как серп,
сама не знает, что ещё бы надо.
Вином залита скатерть на столе,
под соусом топорщится филе,
хмельны тела от роскоши и блажи.
Но теплится в истрёпанной душе,
что будь она у родственных вещей –
у нас бы меньше накопилось сажи.

* * *

Бродягам и скитальцам – мой привет!
Почтение – изношенным ботинкам.
Их затрапезность – яркая картинка
неимоверно вытоптанных лет.

Бывали дни – мальчишка марафет
им наводил, поддерживал починкой…
Лишь бусинка хрустальная, росинка,
напоминала отроку совет,
чтобы дожди их мыли на привале,
рвались о камни бы, не уставали,
хлестало б солнце огненным бичом.
Дорога, как мечта, звала и пела,
рюкзак душа тянула да терпела
и не нуждалась никогда ни в чём.

* * *

Сердцу снится душистый горошек…
С.Есенин

Желтеет поодаль сурепка
на сложенной в копны траве,
а рядом, от стога правей,
горошек – в замызганной кепке.
Но в памяти – держится цепко,
как в роще поёт соловей,
России степной корифей!
А лето – всего-то зацепка
для строчки в голубеньком платье,
для шапки-старья на полатях,
для светлых истерзанных глаз.
Летит соловейко по сёлам,
на ветку садится, чуть квёлый,
и песнею радует нас.

* * *

Ничего бы не знать, кроме строчки весёлой,
с ней зашёлся взахлёб соловейко-малец!
Где же он понабрался свистулек-колец,

чтобы так раскачать полусонный посёлок?
Ожидая с утра еле тёпленький щёлок,
растянулся под яблоней сладко мокрец,
окатился зарёй молодой огурец,
помидору ещё далеко до посола.
Но тебе ли, певец, дан божественный дар
полюбить ярый свет! как бесстрашный Икар –
вознестись к высоте на трепещущих крыльях?
Будь такою всегда, благосклонная высь,
чтобы голос любви упоительно вис
над теплынью земли и над холодом пыли.

Печка

Что-то печка моя
задымила,
надо золу ещё отгрести.
Чья-то песня меня истомила,
не могу от души отвести.

В ней – струится вода ключевая
(родники, слава богу, живут!),
занялася заря золотая,
без ума птицы глотку дерут.

Словно лебеди, в белом берёзы,
сны зелёные видят луга,
чу! в тулупах сибирских
морозы
величаво ступают века.

А печали искать мне не ново,
верный ветер поможет в трубе
вспомнить песню мотива иного
в чуть притихшей
от стужи

избе.

Не торопится солнце к закату,
не спешу оборвать я строку,
но подходит вдруг
горькая дата,
грусть какая-то…
Петь не могу.

Что ж ты, печка моя,
надымила?
Или золу ещё отгрести?
Знать, душа в ней
немножко остыла,
то ли я растерялся.
Прости.

* * *

В предбаннике – начало колдовское.
Размеренно снимаешь верх и низ.
Здесь некому показывать стриптиз,
и тело удивляется нагое.
В парную, в жар! Взыграет ретивое!
Дубовый добрый веничек-сюрприз
из кожи тянет изморось и слизь…
На каменке готовить бы жаркое!
Вот жварит! Подставляй свои бока,
лупи, что силы! выскочишь наружу –
и хватанёшь кваску два-три глотка!
И на полог! Вернее бы – в снежок,
а лучше в прорубь – утонуть по уши,
и поцелуй мороза как ожог!

* * *

Снежинок белое добро
свалил январь на кровлю крыши,
надсадно от натуги дышит,
ко мне – безжалостен, суров.
Гоню на озеро коров,
а прорубь паром тёплым пышет.

Мне мысли нет желанней, выше:
их напоить, загнать под кров.
Пеструха смачно воду тянет,
ведро, второе… И не манит:
щекочет ноздри трав настой.
Молчит. Задумалась о чём-то.
Светило – масляно и жёлто,
бог-повелитель – молодой.

* * *

Всю ночь терзал себя, бумагу и луну,
всю ночь ходил в цепях, шептал, словно колдун.
Бродили тени слов и мыслей кутерьма –
вокруг листа. Основ не понял он впотьмах.

Петух поднял рассвет, заговорил народ…
И осознал поэт, откуда ясность льёт.
Отброшен мятый лист, идёт на свет лучей
и слышит резкий свист невидимых бичей.

* * *

И по сей день хожу и славлю,
пою – с угрозою смешной,
ногами спину хворым правлю,
трясу убогою мошной.

Плету весной венок для окон,
с русалкой зырю на луну,
расправлю ей синюшный локон,

качну берёзу и сосну…

Сказать бы, что поёт синица,
о ком грустит ель под окном,
чем вдохновенны в поле лица,
каким объяты птицы сном.

Упал зачем из рук платочек,
на что меняются года?
Неужто так в груди клокочет,
как в чугуне скоту еда?

Едва ль вопросы будут сняты
моим ответом и житьём…
Зимой костры да будут святы,
хотя в душе их чаще жжём.

ЛАДА
Венок сонетов

И сказал Велес:
Открой короб песен! Размотай клубок!
Ибо кончалось время молчания
И пришло время слов!
Песни птицы Гамаюн

1

Стоят курганы прошлого в степи,
Волнуя думы золотистой зернью.
В одном из них рассеянною тенью
Сокрыт князь Игорь – беды искупить.
А конь его поблизости храпит,
Придавленный тысячелетней ленью.
И к Святу-Роду – солнечною звенью
Стрибог взывает, злоба в нём кипит.
Слух леденит звон бешеных копыт!
Но знает век, чью ненависть копить
И чьи глаза тревогою налиты.
Вновь быть под властью киевых времён
Хочу! Мне дышит родиною лён,
Скрывая в недрах древние молитвы.

2

Скрывая в недрах древние молитвы,
Поверят миру идолы – любовь,
И душу-свет над сводами столбов,
И бубнов плачи, стонущие ритмы.
Очерчен круг. Откликнись же, счастливый,
Кто рад огню! Душе не прекословь!
Пусть кровь дымится! Высветило вновь
Глаза древлянам. В радости смогли вы
Задобрить небо жертвой? Научись
У врат судьбы отыскивать ключи!
Они вон там, под крадою, зарыты.
Счета последние подведены.
И сани есть – умершему они,
Мечи и стрелы острые для битвы.

3

На вашем пылаю огне,
Дымы поднимаются к небу.
В. Исаянц

Мечи и стрелы острые для битвы
Нужны и там, где царствует Яга,
Где грозен в поле ярый ятаган,
Где змеи лижут чёрные граниты.
Где дышит крада… Пламенем все сбиты
В единый дух. Гудит, как ураган,
Большой костёр! Неистов сам-шаман!
Жене достойной – дверца не закрыта
Войти в тот мир, остаться в нём навечно
Любимой или ношею заплечной…
За что так мужа стоило любить?
Но, стиснув другу хладные запястья,
Она не скажет, что это за счастье…
Умел Сварожич – время усыпить!

4

Умел Сварожич – время усыпить:
В сосуде пепл покоится добротно,
Кощеем властно взятый принародно.
Но мысль иную должно укрепить.
В подземном мире случай не забыть:
Он обнял левой ручкою свободно
Её – открыты кистью виртуозно,
Любовь иначе можно ль утвердить?
Доселе слышно грозного Перуна,
На буйной тризне слаженные струны:
Почали люды радостно кутить
И умощать в борениях отважных
Живую душу весело и бражно.
Юдоль свою – им есть когда испить!

5

Юдоль свою – им есть когда испить
И требу взять: тельцов и овнов с солью.
Но помнить предков надобно и с болью,
Они могли друг друга приструнить.
Мечтал князёк Мал – Игоря сгубить,
Но сам казнён комическою ролью.
Земля деревска – вымочена кровью!
Послам живьём сподобилась уплыть
В лихое царство! прямо во дворе!
А избранных – приветить к той поре
И банькой чёрной… Вытопил им Митрий.
Пожрал огонь их розовую кость!
Так мстила Ольга. И не думал гость
Изведать зверя, плачущего хитро.

6

Изведать зверя, плачущего хитро,
Дано не всем. Здесь смерть тому вина,
Не бурный Днепр, не светлая луна,

Что научились зреть такие игры.
Жива землица, названная Триглой!
Зимцерла – с ней, желанная весна.
Зевана, Позвизд, Сева – цепь красна,
И с ними громы, молнии как иглы.
Вот сонм земных всевидящих богов!
И дальний светоч жизненных кругов
Войдёт сквозь распри в каменные титры.
Их прочитав, пройдите перевал.
Там есть Морена – кто бы только знал:
Страшнее нет подземной водной гидры!

7

Страшнее нет подземной водной гидры
Во тьме веков! Кто вынести бы мог
Оскал звериный?… Разве Чернобог?
Вокруг него гуляют хищно выдры,
Смакуя жертвы, брошенное быдло.
Живых ещё преследует Морок…
Баба-Яга в можжале, словно кок,
Готовит внучкам сладкое повидло.
Там Змей грызет замызганную пакость,
Животную удерживая радость –
В зелёных водах некогда вопить!
Лишь взоры вил загадочны и сини.
Любовь же – не пугают образины!
За Ладу чару – стоит пригубить!

8

За Ладу чару – стоит пригубить
На страве вящей! Капища таятся
В густых дубравах. Им чего бояться? –

На серый камень некому ступить.
Траянов вал хранит всех от гульбы
Злодеев южных. Змеем мог ворваться,
Полянам тугой смертною сказаться
Тот смерч огня – и веси ослепить!
Но Чуром – раз отмерены границы.
Спокойны в поле бронзовые лица:
Орало тянет буйствующий Змей.
Но, где веревец вились вереницы,
Чернигова нетленные страницы
Найдём ли мы, учёные, во тьме?

9

Найдём ли мы, учёные, во тьме
Дажьбога слово, крестное знаменье?
Иль повинуясь рабскому веленью,
Молчать в своей останемся тюрьме?
Но Крест – всевиден! В жуткой кутерьме
Четыре стороны – его значенье.
Деревьев двух в нём трение и пенье,
Окрест цветка – узоры на письме.
О, крина круговая оборона
От злых очей! Ликующая крона!
Над знаком поля вымолвить сумей
Златое слово сеятеля нивы.
Повсюду жизнь! Так обереги-дивы
Удержим ли в злопамятном уме?

10

Удержим ли в злопамятном уме

Обряд русалий, дикие скаканья,
Коварство ведьм, полночные алканья
И смех и дань народной Костроме?
Узнать бы, что находится в суме
Русальщиков – любителей гаданья,
Блудливых игр, повального гулянья?
От шуток их придётся онеметь!
Так доброе, весёлое – живёт,
Из века в век на праздниках цветёт
И не сдаётся нами в кладовую!
Кобенится пусть хитрый мужичок!
Спасём, я верю, чистый родничок –
Частицу жизни, капельку родную.

11

Частицу жизни, капельку родную
Я пронесу сквозь тернии свои,
Росой очистюсь, отблеском зари
И братчине поставлю четвертную.
И встанем в круг, закончив посевную!
Возмолимся Перуну. Не умри:
Прими удар безмолвно. Вот он, зри:
Бичами хлещет тучу коренную!
Рванули разом – дёрнуло земельку!
И оробел взыскующий Емелька:
Телега не наделала бы бед,
Гремя пустой проржавленною бочкой…
Но верят в хлябь берёзовые почки:
«Как жили люди – вынесем на свет!»

12

Как жили люди – вынесем на свет!
О турий рог, окованный орлами
Двуглавыми, блистающий крылами,
Внемли рассудку в скопище побед!
О нём тебе поведает совет
Богини Лады, щедрой за столами,
Где вновь ковши медвяные кругами
Кипят, ликуя, помня о вдове.
Лишь Жля да Карна душу жгут нагую
Жарой томящей, тянут песнь глухую,
Похожую на волчий нудный бред…
Судьбы печальный рог – возненавидишь.
Но, может быть, вервь кровную увидишь
И ты сквозь толщу выстраданных лет!?

13

И ты сквозь толщу выстраданных лет
Найдёшь усладу в бубнах и сопелях,
И благодарно вспомнится неделя
Купальных вил, их синенький букет.
Но злым ветрам готовится запрет,
А голым навьям – чудятся купели.
Так Родомысл потворствует капелям,
Несущим жизни благостный завет:
Пройдут века, и смерд с восходом ржи
Ярило вспомнит в каверзах межи,
Его любовь – безмерную, шальную.
И вспыхнет в жилах русов кровь-руда!
Зане разъяв жестокие года,
Познаешь душу некогда больную.

14

Познаешь душу некогда больную,
Утешишь жён, упавших среди трав
С мольбой о муже, детях. Нощь поправ,
Они в рассвете все ещё кукуют.
Их птицы клюкающие минуют!
А звери рыкающие, устав,
На дерева могучие привстав,
Замолкнут глухо… Волхвы заколдуют
Возле криниц. Послушны им вершины,
Вихрь на дороге, бесы, свист былинный.
Рощалиям молись! Не заступи
Черту резную! Огни негасимы
Горят вокруг, и верь: неутомимо
Стоят курганы прошлого в степи.

15

Стоят курганы прошлого в степи,
Скрывая в недрах древние молитвы,
Мечи и стрелы острые для битвы.
Умел Сварожич время усыпить.
Юдоль свою им есть когда испить,
Изведать зверя, плачущего хитро,
Страшнее нет подземной водной гидры.
За Ладу чару – стоит пригубить!
Найдём ли мы, учёные, во тьме,
Удержим ли в злопамятном уме
Частицу жизни, капельку родную?
Как жили люди – вынесем на свет!
И ты сквозь толщу выстраданных лет
Познаешь душу некогда больную.

1992

Примечание:

Славянские боги: Перун – грозы, молнии, воинов; Сварог (Сварожич) – неба;
Дажьбог – урожая; Лада – любви, семьи и брака; Родомысл – законов, мудрости;
Морена – смерти, тьмы; Зевана – охоты, ловли зверей; Сева – осени, садовых плодов;
Жля и Карна – печали, тоски, горя; Чур – границ, межей; Белбог – добра, удач;
Чернобог – зла; Ярило – весны, веселья.
Купало, Кострома – праздник весны, начало лета; чучела.
Древляне, поляне – племена славян; князёк Мал – у древлян.
Крада – горящий жертвенник, костер, алтарь.
Треба – подношение, жертва.
Вилы – русалки.
Навь – голые птицы умерших душ.

* * *

Есть души, которые
плачут о нас,
спаси их, Парнас.

Есть думы, которые
зреют в ночи,
в них жизни ключи.

Есть песни, которые
жить не дают
и жилы в нас рвут.

Есть люди, которые
облако пьют,
куда-то зовут…

* * *

Нараспашку и врастяжку
я живу.
Давит плечи небо тяжко,
я как вьюн.

Упираюсь, умираю,
но тянусь,
нос о травку утираю,
словно гусь.

Далеко тропинку видно,
не моя.
Не показываю вида,
что ноябрь.

Засыхаю в огороде
на плетне,
как бумажка от Мавроди
в прошлом дне.

Нараспашку и врастяжку
тянет рок,
стану тявкать,
прыгать пташкой –
был бы прок.

* * *

В дороге человеку одиноко.
Молчит о чём-то. Сумрачен и дик.
С воспоминаньем прошлого впритык
сойдётся он, и стекленеет око.
А милое – так кажется далёко,
чуть тронь словечком – и забьётся тик,
и никакой не выдержит вердикт
напора чувств: одна судьба – верёвка.
О том и ты задумался, мой друг,
перебирая мысленно свой круг,
в котором – кочки, ямы и откосы.
Не выйти, знать, с тобою никогда
из этого кольца, где движется вода,
жара стоит и жалуются осы.

* * *

Я – из старого покроя,
я по жизни динозавр.
Не даёт душе покоя
кайнозойский гордый лавр.
Мне бы зелени поболе
да водицы ледника,
мне бы топать летним полем
да нести через века –
туповатую улыбку,
хвост, обточенный травой,
и печаль качать, как зыбку
огромадной головой.
И зайти б к врагам заклятым,
плюнуть им в глаза слюной –
горьковатой, но богатой,
степью пахнущей родной.
Выбить зубы звуком звонким,
если справлюсь – научу
слушать время ухом тонко,
беды складывать к плечу.
Верю я: сквозь толщу жира
не пробьётся к сердцу клюв,
доброту свою транжирю,
жду от солнца новых плюх.

* * *

Лети, мой свет, где колки редки, где в поле здравствует зерно,
где незабытые мной предки в подземном мире пьют вино,

где пальцы рук, сжимая ветку, тепло почувствуют сполна,
где человек несёт в борсетке кусочек тьмы и с ним – луна.

Но на тревожных нотах века держи свой выбранный мотив,
его не просто исковеркать на неизведанном пути.

Лети, мой свет, к высоким звёздам, к сердцам людей, к моей мечте,
лети, не гасни в чёрной бездне, земной будь верен красоте.

* * *

Остаться бы в этом лесу

надолго, навечно,
где солнце земную красу
лелеет беспечно,
где иволга песню свою
слагает прилежно,
я с нею свою запою
о родине нежной.
И грустный – себе ли в укор? –
затихну в осинах,
а звуки пойдут далеко
по тропам лосиным…
Их примет мой смешанный лес
душевно, открыто.
Наверно, в околке, вот здесь,
мне счастье зарыто.
И в трепете лёгких вершин
почудится сказка,
что нет у деревьев морщин
и каждый обласкан,
что люди – питомцы земли –
найдут в себе силы
нести свои годы-кули,
беду пересилить.
Остаться надолго б в лесу
и в нём заблудиться:
люблю я лесную красу,
весёлые лица.
1976

* * *

Я верю вам, зелёные подруги,
в стремлении до солнца долететь,
благодарю – в желании хотеть
и греть теплом высотные округи.
Стволы под ветром стойки и упруги.
А стоит только ими овладеть
и струны тронуть – вмиг осиротеть
придётся нам и вытянуться в струги.
За чистоту и дух необычайный,
за слёзы, что откроются в прощанье,

я вас люблю, вы искренне всегда.
Да и когда песочницы настроят,
лопатками цветными корни вскроют –
вы всё равно вернётесь в города.

* * *

Когда-нибудь себя договорю.
Каков итог – пусть выскажется совесть.
Но жизнь моя – неконченая повесть,
ночи страница, ждущая зарю.
Подвижником, наверное, сгорю.
Вдруг вырвется такое слово, бог весть!
В душе судьбой оставленную горесть
не выскоблить прожженному хмырю.
В сухой степи, испытывая муки,
клубится явь, в ней будущего звуки
высвечивают белые пути…
И что бы мне ни сказывали дети
о сладости, о сытости, о нетях –
на скудной почве думаю расти.

* * *

Разлились
по родине озёра,
просолились
за века насквозь.
Здесь открылась истина для зёрен,
умереть которым привелось.

На ладони тёплой –
божья милость –
выросли тяжёлые хлеба.

Песнею широкою излилась
в душу золотая Бараба.

Это край – избитых и убитых,
родина синиц и косачей,
а землица кровушкой полита,
кровохлёбка – цвет её очей.

По озёрам, по речушкам тёмным
селится и до сих пор народ,
крыши кроют не болотным дёрном,
зеленью искусственных пород.

Остаётся – вечно молодая –
палестина жить и зоревать,
уголком невспаханного рая
от беды любого укрывать.

Бараба растянута до неба.
Бросишь взгляд – а он летит насквозь!
Господом загаданный нам ребус,
блещущий от слёз или от рос.

СОБОРЫ РУСИ

Венок сонетов

Вера бо благодатнаа
по всей земли распростреся,
и до нашего языка русскаго дойде…

Илларион

1

Над Русью – плач. И высказаться горько,
Такая немощь в сердце у меня:

Погибли боги в пламени огня,
Упал Перун с днепровского пригорка.
А с ним Стрибог, Макошь. И там не только
Они повержены средь бела дня.
Тяжёлый крест положен, как броня,
На смердов плечи грешные надолго.
Изволь согнуть изодранную спину,
И помолись за новую судьбину,
Конец пришёл поганой ворожбе!
Крестись, о Русь! Пусть православной вере
Послужит всяк… Но видно изуверам:
Слезятся окна в худенькой избе.

2

Слезятся окна в худенькой избе
От странной речи – «ближнего возлюбим»,
Иным – на горло пяткою наступим,
Пощады нет неверному – тебе.
Предались ветры в капищах гульбе,
Гнилое дерево подобно струпьям…
Вот так святыни, стало быть, и губим
С тех пор в хмельной безудержной борьбе.
Где идолы, повергнутые наземь?
И что же цель? – достигнута ли разом,
Дабы облегчить душу голытьбе?
Молчат о том обугленные руны:
В крестьянском сердце слышатся не струны,
А голос свыше – откликом в судьбе!

3

А голос свыше – откликом в судьбе! –
Откроет путь страданий, воскресений.
И только в день, голодный и весенний,
Жива надежда, жить и худобе.
Познаешь свет при медленной ходьбе.
К нему ведут божественные сени,
Под ним скудны невзрачные растенья –
Как видеть их мне жалко при косьбе!

День кроткий, троицын, по праву схож
С той радостью, где сладостная рожь
Цветёт, не зная кровожадных оргий.
Но не спокоен наш иконостас!
Перед бедой призывно-трубный глас
Велит всем миром выступить на зорьке.

4

Велит всем миром выступить на зорьке
Великий князь. Свершится ли поход?
Истерзан край уже который год
Враждой и склокой из-за царской корки.
От Святослава – памяти отрёпки
Остались в письменах, и дней исход
Теперешних – не ясен. Едут напроход
Отряды вон, последние оскрёбки.
Но подрастут головушки, тогда
Засветит ярко русичей звезда,
Врага спасти не смогут отговорки.
Кто пеший, конный – все прославят Русь!
И крепнет дух, и отступает грусть…
Князья спешат, вдаль вглядываясь зорко.

5

Князья спешат, вдаль вглядываясь зорко,
Как некогда учил их Александр.
Идут они сквозь строй ворон-кассандр
Разбить врага на слабеньких задворках.
«Не в силе бог, а в правде». Кривотолки
Здесь не нужны, как нет ещё эскадр
И не рождён свой северный Менандр.

В степях полкают бешеные волки.
Перед опасностью – иметь едино сердце
Мечтал Василь, открыв святые дверцы
В сей мир полян… Но пал в тупой алчбе…
Сгубила плеть лазоревые очи,
А распри дикие – чернее ночи.
Недобро время думать о себе.

6

Недобро время думать о себе.
Святая Русь зовёт подняться слабых.
Послал сам Сергий, свара не дала бы,
Монахов верных к проклятой татьбе.
Взывал игумен Дмитрия к гоньбе.
Быть сече! Богородица могла бы
Остановить кровавый суд, но небу
Нужна се дань. И рог опять запел!
Хоругви видно, стяги мерно дышат,
На них Лик Святый нитью солнца вышит.
Немного ветер, слава богу, ослабел.
Ярило брызжет светом в лица воев.
Они, обняв друг друга, – день как зноен! –
Отдались сердцем огненной трубе.

7

Отдались сердцем огненной трубе
Простые люди – пахари земные.
В день Рождества – по Матери родные! –
Вновь чашу божию попробуй не испей!
Вот сшиблися! Руби и не робей!
Настал час, княже! Льётся кровь из выи.
Не мир, но меч! Здесь гибнут духи злые,

Непрявда, Дон их держат, как в скобе.
Рычал, как пардус, печенег. Базлал.
Рванулся витязь в эту бездну зла…
Пешцы – в ряд ряд! От пота слепнет око!
И отрок русый – вспомнят на Оке! –
Убит стрелой… И не помочь руке,
Зовущей к Спасу светлому высоко…

8

Зовущей к Спасу светлому высоко –
Забвенья нет. Она всему одна,
Та битва Куликова. Днесь видна,
Склоню чело извечному истоку…
Питаться ль вновь России чермным соком?
Так, славу исторически храня,
В иконе образ – за други своя –
Разит меня первоначальным роком.
Где наше время купли неземной?
Испить его, тот искупить собой
Путь горний, жаркий, словно в печах поды!
Прильнём к земле мы, жадные тельцы…
Да не услышат только лишь глупцы:
Клокочут в долах яростные воды.

9

Клокочут в долах яростные воды.
Кружится томно солнца карусель.
Уста пророка вымолвят: «Отсель
Идут в равнины радуги разводы.
Зде! – реки слёз и тяжки скорби своды».

Мужи уже отведали кисель,
И парки тянут новую кудель:
Горька в бою итоговая кода.
Не токмо Сергий, сердце укротив,
На встречу с тёмной силой снарядив
Велику Русь, пел ангельские оды…
Печали песнь спасёт ещё не раз
От кары Господа, возможно, нас…
На горизонте тучи словно орды.

10

На горизонте тучи словно орды.
Но наша «Матерь Божия» – жива!
Её благословенные слова –
Для деяний сынов отчизны гордых.
Поставлен так в пылающие годы
На Нерли храм во имя Покрова,
Где на крови – зелёная трава,
На стенах – звери, ласковые морды.
Святая Дева, красная девица,
Фатою алой скрой любимых лица,
Спаси от зла в любые куражи!
Недвижный камень, лебедь белоснежный,
Стоит над Клязьмой, ведает неспешно:
Крепись рука, дарующая жизнь…

11

Крепись рука, дарующая жизнь!
Но помни сказ: «И володейте нами!»
Та исповедь написана в тумане
Рукой раба. На это положись.
Поверь в звезду, былиною свершись!

Продует душу ветреными днями,
Сибирью мрозной, грозными цунами,
И перед смертью – стой, не гоношись.
Творили предки славу для Христа,
Познали нахлыст резкий вдоль крестца!
Но, как бы ни скрипели поясницы,
Благую весть за истину прими
И сердце оскорблённое уйми –
Стояти вечно колосу пшеницы.

12

Стояти вечно колосу пшеницы,
Когда над ним струящийся хитон,
И облако, и синевы затон,
И воркованье милой голубицы.
О Русь смиренна, бледной плащаницей
Покрыта ты. И множится планктон.
Твоих цветов живительный бутон
Оценит смуглая краса-девица.
Любовь твоя спокойна и тверда!
Степенна ты и обликом горда,
Строга к себе, как верная черница.
Сомнений нет в пути пережитом,
Хотя мешал в нём не один тевтон
Плескаться в соснах солнечных – куницам.

13

Плескаться в соснах солнечных – куницам!
И дух покаяния не хирел,
Второе тысячелетие не сгорел
Огонь любви в светёлке на божнице.

Ищите и обрящите цевницу,
С которой взор бы гаснущий прозрел,
И на открытой всем ветрам горе
Найдём ли свет от божьей багряницы?
В лесах берёзы чудные светлеют,
В полях ручьи волшебные алеют,
Стремительны, как прежде, и тигр, рысь.
Земля во славу Господа добреет,
Мирская речь со временем мудреет,
России – быть: соборы тянут ввысь.

14

России – быть: соборы тянут ввысь!
И радостно от Нового завета.
И полон звоном внутреннего света
Кривой, как сабля, безымянный мыс.
А зверю лютому: «Будь сдержан, не ярись», –
Скажу, изведав горестные лета.
Мы помним искупленье Пересвета,
Да будет чистым млеко и кумыс!
Не «погибоша аки обры» росс,
И крест нательный в славянина врос,
На коромысле – полное ведёрко!
Но нет услады для моей любви.
И сквозь набат услышите и вы
Над Русью – плач! И высказаться горько…

15

Над Русью – плач! И высказаться горько.
Слезятся окна в худенькой избе.
А голос свыше – откликом в судьбе! –

Велит всем миром выступить на зорьке.
Князья спешат, вдаль вглядываясь зорко.
Недобро время думать о себе,
Отдались сердцем огненной трубе,
Зовущей к Спасу светлому высоко…
Клокочут в долах яростные воды,
На горизонте тучи словно орды,
Крепись рука, дарующая жизнь!
Стояти вечно колосу пшеницы,
Плескаться в соснах солнечных – куницам,
России – быть: соборы тянут ввысь!

1991

Часть вторая. Статьи, заметки

Гори, сияй, звезда полей (О Николае Рубцове)

Нет такого человека на земле, который жил бы без сердца и души, который бы не впитал в себя живительные соки своей родины. Не здесь ли и поэту «легче дышится, легче пишется, легче ходится по земле»? Там, где холмы по обе стороны неширокой речки Толшмы, где видны на холмах деревеньки, погосты, «а возле сказочной часовни стоит берёза старая, как Русь», где самая ненастная погода никогда не портит настроение – звучит могучая, печальная музыка северного края. В селе Емецке, стоящем у впадения речки Емцы в Северную Двину, 3-го января 1936 года родился замечательный русский поэт Николай Рубцов.

Сухона, Толшма, древняя Тотьма, село Никольское, Вологда – вот до слёз любимые места поэта. Здесь его «Михайловское», здесь трагически оборвалась его жизнь…
Раннее сиротство (смерть матери), детдом, скитания по России с вечной бездомностью: Северный флот, Рига и Ленинград, Москва и Ташкент, Урал и Алтай… И везде душа хранит «всю красоту былых времён», «берёзы, избы по буграм и, отражённый глубиной, как сон столетний, Божий храм».

Неуёмный дух скитальца, доверчивость поэта к людям, несмотря на равнодушие многих к его судьбе, неистребимая, жгучая любовь ко всему живому, светлому и доброму – вот это отразилось в пронзительных стихах поэта:

И вокруг любви непобедимой
К сёлам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси.

Истоки лирического чувства его поэзии идут из мира растения, дерева, животного, из мира согласия Человека и Природы, их взаимопроникновения и сопереживания.
Николай Рубцов (друзья, собратья по перу звали его Колей) – удивительно чуткий к родной сторонке, к любой живой душе. Стихи его – это исповедь доброго, простого человека, бессребреника, вечного странника по земле, ищущего утоления своей измученной душе.

С каждой избою и тучею
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

В стихотворениях Рубцова – и воробей, чуть живой, «не становится вредным оттого, что так трудно ему», бедный заяц, горестно вздыхающий о своём защитнике и спасителе – дедушке Мазае, медведь, который «не чувствовал вины», «за что его убить хотели?», ворона «суетится на заборе», «ведь ни зёрнышка нет у вороны и от холода нет

обороны»… Мелкий, казалось бы, факт обыденной жизни – «выпал птенец из гнезда» ласточки, и нет для лирического героя, для сердца поэта – маленькой трагедии: «Ласточка! Что ж ты, родная, плохо смотрела за ним?» И веришь автору: «Перед всем старинным белым светом я клянусь: душа моя чиста. Пусть она останется чиста до конца, до смертного креста!»

Душа поэта впитала в себя безоглядную русскую удаль, неотвратимую трагичность и быстротечность времени, трепетную любовь к родному уголку, не потеряла надежды, не озлобилась. Совестливый и деликатный по натуре, он часто бунтовал из-за постоянной неустроенности и нищеты в жизни. Спасало его бескорыстная природная щедрость, искренность и непосредственность живущего в нём ребенка. Вот он – на рыбалке: «Червяки-то какие хорошие, прямо слюнки текут…»

Снег летит – гляди и слушай!
Так вот – просто и хитро, –
Жизнь порой врачует душу…
Ну и ладно! И – добро.

«А ещё есть удовольствие для меня в ожидании первых сильных заморозков, первых сильных метелей, когда особенно уютной и милой кажется бедная избушка и радостно на душе даже от одного сознания, что ты в эту непогодную грустную пору всё-таки не бездомный». «Люблю первый лёд по озёрам и речкам, люблю, когда в воздухе носится первая зимняя свежесть». «Первым делом, как приехал сюда, закинул удочки в холодную воду – ничего не попало. Сходил в лес…» «Ужасно люблю собирать грибы, особенно рыжики!» «Удивительно хорошо в деревне! В любую погоду. Самая ненастная погода никогда не портит мне настроение. Наоборот, она мне особенно нравится, я слушаю её, как могучую печальную музыку… Конечно, не любая сельская местность может быть по душе».

Удивительно светло и тихо от стихов, полных глубокого, мудрого чувства, величественного спокойствия и ясности, осознанного своего прихода на свет. «Но есть резон в том, что ты рождён поэтом, а другой – жнецом рождён». «Я же не виноват, что меня мать родила поэтом, – сокрушённо говорил не почитаемый в литературных кругах Рубцов и не без удовольствия добавлял: – Был бы я скотником на деревне – мне бы цены не было». Характерно признания поэта, что у него «есть своя тема, данная от рождения, деревенская»… «И не лепите ко мне идиллии».

Многие стихи его кажутся элементарно простыми, традиционными, нет крутых современных слов, но в них главное – поэзия, богатство переживаний, духовная чистота и высокая нравственность, правда народной жизни, общеинтересное, характерные начины, повторы слов, гласных, нагнетание чувства. В письме к А. Я Яшину говорит: « Предпочитал использовать слова только духовного, эмоционально-образного содержания, которые звучали до нас сотни лет и столько же будут жить после нас». Он рано повзрослел, но сердце не очерствело, не ожесточилось. Без громких слов и трескотни, застенчиво и скромно, с присущим ему юморком, с доброй душой вошёл в русскую поэзию Николай Рубцов и остался навсегда с незабвенными: «Добрый Филя», «Русский огонёк», «Журавли», «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны», «Подорожники»…

Самые любимые у него слова – «душа», «тихий», «чистый», «светлый», «ветер», «листья». особенно цвет «жёлтый», потому, наверно, что это родной, близкий сердцу северянина, свет осени и неяркого божественного света солнца.

В них точность и ясность мысли, добытые постоянным упорным трудом над словом, в себе, в памяти, он носил многие стихи, многое с ним и ушло. Вспоминает Г.Володин алтайское лето с Рубцовым : «А где написанное? Не видел, чтобы ты и ручку-то в руках держал.» Коля разулыбался. …Потом постучал перстом по своей лысеющей голове и проговорил: «Здесь вот написанное. Сказать точнее, придуманное. Я ведь на ходу пишу. Привычка такая. Жизнь заставила. Иду и придумываю строки, твержу их про себя. Они у меня навечно в память врезаются, Милы сердцу поэта естественность, яркость и лаконичность разговорной русской речи, забористый язык земляков, сострадание ко всякой живинке, единое мироощущение с родиной в беде и в радости. Острота и символичность образов, весёлый зачин, некая залихватская удаль и простота, фольклорная основательность органично совмещается в его творчестве с беспредельной широтой русской души, неисчерпаемой тоской по уходящему мгновению.

Его поэзия наполнена «стихией света» (В. Кожинов), удивительным внутренним брезжущим свечением, идущее, видимо, от родного северного неяркого неба. Неуловимые переходы, скольжение звуков, состояние сдержанного восхищения сменой дня и ночи метко замечено В. Дементьевым и обозначено как «предвечернее». Именно в такой песенной душе созрело и вылилось людям знаменитое:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды…

Куда клонилась муза поэта, видно по утверждённым навсегда строчкам:

Тихая моя родина!
Ива, река, соловьи…

В его «взрывчатой тишине» слышится трепет ветра у пруда, шуршание соломы на дворе, звон снежка в траве оледенелой, скрип сапог: «Сапоги мои – скрип да скрип под берёзою, сапоги мои – скрип да скрип под осиною…» «Нет, не найдёт успокоенья во мне живущий адский дух!»

В трудную годину жизни, во время одиночества, затворничества, в минуты срыва и надлома единственное облегчало его душу и лечило, это – Русь, путь-дорога, ветер, метель! И нет большего счастья, чем «Россия, дети и природа, и кропотливый сельский труд!»

Привет Россия, родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое…

«Странствовать я ещё не отвык. Главное – сдвинуться с места. А мне нравятся только поездки в разные места», – откровенно говорит поэт. «Жизнь меня по Северу носила и по рынкам знойного Чор-Су».

Пусть завтра будет путь морозен,

Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум…

В начале мая 1966 года Николай Рубцов на Алтае, от журнала «Октябрь». Приехал в Барнаул, остановился у Матрёны Марковны Ершовой (сестра поэта В.Нечунаева), на другой день встретился с поэтами С. Вторушиным и Л. Мерзликиным, у него переночевал, а через два дня был в Бийске и уехал в районный центр Красногорское.
9 Мая появился на пороге дома Геннадия Володина, секретаря газеты «Восход», с приветом от барнаульских поэтов, почти три месяца впервые имел комнату, творил в уме стихи, на столе были словарь Даля, библия… Плавал на теплоходе по Оби в деревеньку Кислуха, ему стали известны Горно-Алтайск, Эликманар, Чемал, Манжерок, недалеко были – Телецкое и Белуха, о которых мечтал. Добрые воспоминания остались от встреч с поэтами и писателями – В. Чичиновым, Б. Укачиным, И. Пантюхиным …
(В литературной среде он был не одинок, у него были адреса и телефоны многих – от В. Кожинова, Ст. Куняева до Е.Евтушенко и И. Бродского).

От удивлённого «Ермак, Кучум…», «Сибирь, как будто не Сибирь!» он мысленно переносится в историческое прошлое Горного Алтая, в древнее – скифов и сарматов, образно и вдохновенно говорит об этом чудесном крае. Не стараясь глубоко вникнуть в историю татаро-монгольского нашествия на Алтай (1199 – 1207гг.), поэт подолгу слушает шум и плач Катуни:

Лицом к реке садился я на камень
И всё глядел, задумчив и угрюм,
Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев её былинный…

В горах – сосны, кедры, богатырские лиственницы, и кажется, всё как на родине:

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Ещё бы церковь у реки –
И было б всё по-вологодски.

Красота озера Ая, «бешеной Бии», «свирепой» Катуни, маленькой речки Майма, Чемала, родины алтайского художника Чороса Гуркина, Чуйского тракта покорила Рубцова, и он хотел вернуться сюда, на эти старые древние дороги, готов был переводить поэтов Горного Алтая… В один из майских вечеров, по воспоминаниям Г. Володина, Рубцов взял гитару и пел свои стихи: «В горнице…», «Рукой раздвинув тёмные кусты»(Над вечным покоем), «Осенняя песня», «Я уеду из этой деревни…»(Прощальная песня)… В них много грусти. А какая поэзия без грусти? В судьбе поэта её хватало до слёз. Мотивы осени, уходящей молодости, сиротского одиночества навеяны самой жизнью и традициями русской лирики. Приметы её мы найдём в обращениях, восклицаниях, заклинаниях. Вечные вопросы добра и зла, жизни и смерти, тьмы и света неразрывно связаны в поэзии с родиной, без которой, где бы ни скитался, Рубцов не мыслит себя на земле… О народности поэзии, о символике образов поэта говорит много и досконально его исследователь В.Н. Бараков.

Особая тема у Рубцова – Бог. Его поэт касается осторожно, с какой-то боязнью и тревогой. Это – возвышенная, таинственная сила, «сказание библейских страниц», «святая красота», это медленное постижение всевышнего, сомнения на пути познания его. Дар божий даёт всё, в том числе и строку. «О чём писать? На то не наша воля!» Религиозные мотивы не чужды ему, они в сути восприятия окружающего мира русского человека, могущего молиться и быть навеселе. Отрицая религиозность, Ю.Кузнецов высоко ценил творчество Рубцова, особенно его стихотворение «Ветер всхлипывал, словно дитя…», где простота гениальных строчек щемит сердце « И дыхание близкой зимы Всё слышней с ледяного болота…». Знаменательны признания из письма к А.Яшину (3.11. 1964) о любви к первому льду на озёрах и речках (а кто по нему не ходил?), они рождают известные ассоциации из жизни Иисуса Христа. «Хорошо и жутко ступать по этому первому льду – он настолько прозрачен, что кажется, будто ступаешь прямо по воде, бездонно-тёмной».

Около четырёх месяцев жил и странствовал по Алтаю, а стихи сложились навечно людям, верным родине остался в стихах сын вологодской земли:

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берёз…

Яркий и самобытный талант, истинно народный поэт Николай Михайлович Рубцов, по мнению В. Астафьева, «почти восходит до гениальности» в своём откровении века – «Село стоит на правом берегу…»

Любовь к родине, священное чувство кровной связи с землёй роднит его творчество с великими русскими подвижниками слова:

Я не один во Вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной –
В печи берёзовый огонь…

При жизни поэта вышло 4 сборника стихотворений. В 2000 году издательство «Терра» выпустило прекрасно оформленное трёхтомное собрание произведений Рубцова, в нём не только ставшие классикой известные стихи, но и ранние юношеские опыты, проза, статьи, письма, во вступлении подробно рассказывается о жизни и творчестве поэта. Об этом он и не мечтал.

Какие ещё прекрасные стихи написал бы Николай Рубцов, если б не когти «любительницы волков…» Жизнь закончилась трагически в 35 лет, его нет с нами, но доброго человека

«...всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милом,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром…

Поэзия его современна как никогда, в ней слышится не только звон смутных и жестоких лет прошлого, но и тревога за будущее России, душу русского человека, измотанного суетностью бытия, призыв к сохранению земли русской, чтобы вечно горела «звезда моих полей».

Обращаясь к родине, взывая к чувству гражданской ответственности, поэт пророчески предостерегает о новых варварах, нависших чёрной тенью над отчизной. И сегодня, когда продолжаются посягательства на честь и славу России, когда пошлость всепоглощающего быта возводится на пьедестал, слово его зовёт к духовной бдительности, не даёт успокоения душе.

Завещанием нашему современнику и грядущему неистово звучат слова-заклинания Николая Рубцова: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Растут его зелёные цветы
на Вологодчине, В Москве, в Сибири,
где вечер – в охре, полон тайн эфира,
где ткутся на руках ещё холсты.

Под сосен шум наводятся мосты,
меняются отжившие кумиры,
а люди жнут, залатывают дыры
и современные поют хиты.

Цветы печально могут говорить
и светлым чувством душу – озарить,
как флотскую, сиротскую, шальную,

что настрадалась, рано отошла,
России в дар навечно отнесла
строку простую, добрую, родную.
09.08.1995, (Солонец, 2009)

Горит его звезда, и в новом веке слышится могучая русская речь. Прислушаемся и мы к голосу большого поэта и станем душою чище, светлее:

За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью…

2001, 2009г.

«Быстролётная песня» Владимира Набокова

Лирика Набокова – одна из малоизученных страниц творчества писателя. Стихи всегда рождаются из глубины души, это «исповедь сердца», где многое пережито и передумано, осели впечатления невзгод и страданий. Какие бы замыслы ни строил в своём творчестве художник, как бы ни скрывал он, откуда его муза – поэзия, эта неумолкающая в груди птица, откроет в песнях тихую речку Выру, печально склонённую над ручьём иву, святое желание окунуться в родной мир, найти в нём отраду, волшебную строку. Старый поэт найдёт себя в коротких проникновенных строчках: «Вот это Батово. Вот это Рождествено» Когда «колыбель качается над

бездной», в ней с волнением растёт, восторгается окружающим миром душа поэта, миром, что зажат «двумя идеально чёрными вечностями». Невероятную силу и власть надо иметь ему, чтобы превратить впечатления детства, юности в незабываемые строки, оставить неизгладимый след.

Чем покоряет нас Набоков? Откуда «фосфорные рифмы» у поэта? В раннем творчестве у него псевдоним – Сирин, имя райской птицы с женским лицом и грудью. Но это не всё. Сирин – и сова с оперением ястреба. Зоркий глаз. Его поэт развивал, обострял с детства. Поразительна зрительная память! И в прозе и в стихах.

Набоков находит изумительные по простоте слова, которые создают неповторимое свечение его стихам, вдохновение рождается незаметно, постепенно втягивается в волшебные, светящиеся картины прошлого, смакуется любимое слово, слышится лепет, таинственная ворожба.

Внутренняя энергия стихов находит себя в простых по выразительности, казалось, испокон веку известных каждому человеку словах, но, наполненные удивительными, чарующими слух звуками, они мгновенно притягивают к себе и уже не отпускают никогда.

Есть у Набокова, как и у многих поэтов, любимые слова, на остриях которых, по словам Блока, растянуто всё стихотворение. Эти слова, часто повторяясь, не вызывают чувство досады, не притупляют сознание, а воспринимаются как нечто родное, тёплое и близкое, словно в детстве дом, речка, овраг… Его родина: белый дом, сад, жасмин, розы, орешник, липа, сирень, мощные дубы, тонкая осока, «а дале – частокол, рябин цветущих ряд…». Как и у другого поэта – «Но если по дороге – куст/ Встаёт, особенно рябина…» Здесь он родился и вырос, играл в футбол, в шахматы, катался на велосипеде, ловил сачком бабочек… Никто не вправе упрекать человека в том, что у него такая родина, где «нет запаха конопли, вкуса парного молока»… Есть другое – мимолётная красота, её беспредельная изменчивость, утончённость, подобно крыльям стрекозы в лучах солнца.

Таким же в поэзии Набокова является слово – трепет, трепетный, реже – алмазный. Мягкое «т» начинает и заканчивает слово, с лёгкого божьего дуновения начинается в ребёнке жизнь, чуть коснётся ветвей ветерок – и они уже волнуются, дышат… Его можно встретить там, где «душистые листы» парка, «тропинки мшистые», «парча тонкой тины», среди «туманно-гладких туч», «трепета звёздной пыли».

Как лунный блеск,
Он всюду – на траве, на розах, над фонтаном –
бестрепетный, а там, в аллее, вдалеке,
тень чёрная листвы дробится на песке,
и платье девушки, стоящей под каштаном,
белеет, как платок на шахматной доске…

Характерны для поэзии земные увлечения героя: бабочки, шахматы…
Автор – сам учёный-энтомолог, открыватель. Мастер шахматной композиции, он неоднократно подчёркивал связь литературного и шахматного творчества. «Для этого сочинительства нужен не только изощрённый технический опыт, но и вдохновение, и вдохновение это принадлежит к какому-то сборному, музыкально-математически-поэтическому типу». «Меня лично пленяли в задачах миражи и обманы, доведённые до дьявольской тонкости…», «…значительная часть ценности задачи зависит от числа и

качества «иллюзорных решений», – всяких обманчиво-сильных первых ходов, ложных следов и других подвохов, хитро и любовно приготовленных автором, чтобы поддельной нитью лже-Ариадны опутать вошедшего в лабиринт». Шахматная задача – «поэзия шахмат», композитор должен обладать теми же качествами, что и любая творческая личность – «оригинальностью, выдумкой, краткостью, соразмерностью, сложностью и блистательным притворством».

Шахматная композиция – составление задач и этюдов – самобытная и своеобразная область творчества, в ней есть свои требования, законы, принципы. Важнейшие требования: оригинальность, если напечатанная задача имеет тот же замысел, то она не имеет права на существование; органическое единство, цельность произведения; принцип экономии – достижение максимального эффекта минимальными средствами; принцип чистоты цели; безграничная фантазия, стремление к совершенству; повторение как многовариантность.

В задачах, этюдах, в произведениях слова есть живая борьба фигур, свои мотивы и тактические ходы, связывание и развязывание, иллюзорная игра и ложные следы, тихие ходы и зеркальные маты, сказочность и предельная ясность темы. Зеркальный мат – вокруг короля чистые поля. «В зеркальную мглу улицы убегал последний трамвай…». Так начинается рассказ «Катастрофа». Соприкасаются два вида творчества, особенно «с писанием тех невероятно сложных по замыслу рассказов, где автор в состоянии ясного ледяного безумия ставит себе единственные в своём роде правила и преграды, преодоление которых и даёт чудотворный толчок к оживлению всего создания, к переходу его от граней кристалла к живым клеткам».

«Другие берега» Набокова насыщены шахматными символами и сравнениями, идеями ложных ходов возвращения на родину, горькой отравой воспоминаний об игре человеческих судеб на шахматной доске жизни. 1940 год… Многое потеряно, впереди ещё много потерь и скитаний, «… можно было заметить, что отлетел кончик уха у одного из коней и основания у двух-трёх пешек чуть подломаны, как край гриба, ибо много и далеко я их возил, сменив больше пятидесяти квартир за мои европейские годы…» В романе представлена лучшая задача автора – шахматная двухходовка, наполненная трижды ложными следами по превращению пешки в коня, есть три варианта решения и три дополнительных. На доске все фигуры белых. Два белых коня и два чёрных, в центре чёрный король. Конница держит под контролем стратегические точки, но ещё может быть пополнение! Однако ход белого офицера даёт блестящее решение, закрыв движение пехоты с третьей линии.

Приходит поневоле аналогия в магическом калейдоскопе событий и лиц: три слога – Ро-сси-я, Пе-тер-бург, ро-ди-на, пи-са-тель…

Иллюзии отбрасываются, судьба определена, мечты остаются, хотя времени катастрофически не хватает, и это называется в шахматах – цугцванг.
Но восхитительным обманом – полётом бабочки, тихими ходами фигур – живёт искусство слова, создаётся прекрасное.

Есть тихий ход за шахматной доской,
найди его,
следи за ним,

он сделан скромно
медленной рукой:
то ход коня или ладьи.

И тихий ход есть
в мыслях и словах,
он некой тайною укрыт,
но в нём душа свободою права:
тот ход всей жизнью мне добыт. («Взгляни в глаза грозе». 1992).

Рядом литература и шахматы. Искусство едино. В композиции задач открыты огромные просторы для творчества: разновидность тем перемен – простая, произвольная, тема Рухлиса, тема чередования… Любимые темы Набокова в литературе – тема судьбы, её сложные ходы, темы смерти, родины, рая, славы, пошлости… Двухходовки, трёхходовки, многоходовки (один герой, два или более). Неэстетично – взятие ферзем фигуры, пассивность фигур, пустые ходы… Нужна ли фигура? Нужен ли герой? Вопрос деликатный, решает художественный вкус, чутьё автора.

В литературе также важны замысел, развитие сюжета, общая композиция, темы, концовка, развязка, эндшпиль. Лирическое стихотворение предельно кратко, но глубоко содержательно, в нём есть сложные смысловые и эмоциональные ходы, скрытые ассоциации, притяжения и отталкивания, метафоричность. Действие стиха разворачивается подспудно, незаметно, загадочно, развёртывается внутренне. «Лирическое стихотворение представляет собой чаще всего сочетание отдельных мотивов, связанных некоторой общей темой» (Б.В.Томашевский). «Художественное произведение всегда результат сложной борьбы различных формирующих элементов – своего рода компромисс. Элементы эти не просто сосуществуют и не просто «соответствуют» друг другу. В зависимости от общего характера стиля тот или иной элемент имеет значение организующей доминанты» (Б.М.Эйхенбаум).

«Дыхание истинного искусства, освобождённого от всего того, что связано с нашей субъективной личностью, с радостной полнотой выражается в творчестве композитора: в его (единолично им созданной) задаче, в его этюде» (А.А.Алехин).

В одном случае, минимум художественных средств, иногда отсутствие тропов, в другом – ощущение простоты слова порождено силой чувства переживания. Развитие сюжета связано с главной темой, происходит переплетение различных мотивов, внутренний процесс стиха насыщается напряжением мысли и чувства, во многом познавателен и уникален. Борьба увлекательна и напряжёна, как и сама жизнь.

Турнир ведёт внимательно судья.
А кони белых зря не точат лясы,
в любую дырку сунутся мордасы:
им по душе манёвры, толчея!

Полна напором бешеным ладья,
умеющая делать выкрутасы

на поле шахматном. Боеприпасы
у всех истощены. Итог: ничья?

Изменит ход лукавая усмешка –
игрок уверенно бросает пешку
ферзю под ноги, словно сала шмат.

Своим слоном давление усилив,
он скоро, хода в два иль три от силы,
поставит королю зеркальный мат.
(18.07.1996), «Солонец».2009

Содержание лирики, хотя и основано на личном опыте, отрывается от автора и движется к абстракции и обобщению, становится интересным эмоциональным открытием, мыслью героя в связи с определёнными событиями и переживаниями. Концовка обычно имеет новый мотив, отличный от начального. Она может быть эффектна своей пустотой, тем самым прийти к известному рецепту, что покажет надуманность и никчёмность переживаемого момента, нет открытия, волнения, полной отдачи, драматизма существования мира души.

Похожесть, неприкрытая бездарность, поддельная красота и привлекательность, претензия на остроумие и оригинальность, на глубину мысли, обволакивающая сентиментальность – это пошлость, она никогда не принимается эстетикой поэта, и здесь он главный борец за честное, правдивое и прекрасное в творчестве. Законами красоты, уровнем художественного вкуса измеряется шахматный этюд и лирическое стихотворение, талант поэта. «Движенье рифм и танцовщиц крылатых есть в шахматной задаче», где цветное ощущение подобно расцветке крыльев разных бабочек. «Замри над веткою расцветшей, вдохни, какое разлилось – зажмурься, уменьшись и в вечное пройди украдкою насквозь». Мягкие «б», «п», «л», «з», «с» любимы поэтом, ими он играет, восторгается, вместе с ним и мы в плену русской живописной речи:

Уйдём и этот сад оставим
и дождь, кипящий на тропах
между тяжёлыми цветами,
целующими липкий прах.

Так бабочка не шевелится
пластом на плесени ствола.

благоуханно-блеклых библий…

На выгнутых стволах цветные тени тают…

И люблю я, как льются под осень дожди,
и под пёстрыми клёнами пёструю слякоть.

Россия, звёзды, ночь расстрела
и весь в черёмухе овраг.

Ты любишь змей, тяжёлых злых узлов
лиловый лоск на дне сухой ложбины.
Ты любишь нежный шелест голубиный
вокруг лазурных, влажных куполов.

Владимир Набоков мастерски передаёт глубокую печаль по «любви безнадёжной», России, по её необъятной, бездонной красоте. Родина, Россия – главный мотив его творчества. Это сон, наваждение, видение, воспоминание, никогда не уходящее из памяти, вечно живое, обновляющееся. Многие стихи озаглавлены этим именем, святым и ненавистным. Образ – клубок противоречий, катящийся из прошлого в настоящее, постоянно не дающий покоя душе, терзая её и любя. Это не вьюга, а «это корчится чёрная Русь», «Ты – в сердце, Россия. Ты – цепь и подножие, ты – в ропоте крови, в смятенье мечты». Душа болящая – Россия – не может жить и вынести всего, когда «на чучеле свободы бессменной пошлости клеймо». Любовь и ненависть ведут поэта сквозь узорный жестокий мир. «В бою безысходном друга я утратил, и потом и родину мою». Реальная Русь, известная ему, знакомая и незнакомая – навсегда покинута, но она осталась прекрасной, и в нём нашлись великие силы «отчизну чистую любить и понимать». И потому «мечется твой ветер знойный в гудящих впадинах души».

Какую бы ни встретил в стихах «дивную мелочь», «где подкидывают соловьи цветные шарики созвучий», любовь к родному краю, цветущему в видениях раю, не оставляет поэта. Этим он живёт, мучается, дышит. Россия – рай, вот один из всеобъемлющих образов, всплывающий в сновидениях, цепляющий мёртвой хваткой сердце странника, истоки, бесконечно льющиеся чистые струи. Вечна родина, и поэт не отрывает себя, свою несмертную душу и уверяет, что, «как через луг некошеный, дымящий, тебя в своё бессмертье унесу…». Провидец сказал: «тень русской ветки будет колебаться на мраморе моей руки», «да будут злобные, пустынные сердца моими песнями лучистыми согреты…»

Аоническое обаяние гласных всю жизнь не давало покоя поэту. Пронзительны строки, где – гласные звуки о, а, е, удивительное состояние души, тоска по родине, явь настоящего:

И Дух стоокий, Дух могучий
восторг земли благославлял.

И в душу мне дышал бездонный
золотозвонный небосвод.

И в сердце радостном забилось
глубоким колоколом кровь.

Нельзя не восхищаться его словосочетаниями с повторами звуков: «сад звёздный, звенящий», «берёзы грезили», «сумрак серый», «сквозная стрекоза», «в пустыне старинных страниц», «на пылких полках памяти», «волен выть на вершинах о ней»,

«… и зори, и звёзды, и радуги мая».

«Цветная спираль» поэзии раскручивается сложными эпитетами, созданными поэтом на грани тьмы и света, дня и ночи, полусвета, полупризнака. Определения выражают зрительные, слуховые, отчасти вкусовые ощущения, а также обонятельные и осязательные. Одного цвета качества – недостаточно.

Слова метафорически обозначают едва заметный признак, иллюзию новой краски, запаха. Мотив усиления признака постоянно присутствует в поэзии Набокова, гармонизируя в едином образе разные качества, грани, чувства. Часто встречается в стихах – «алмазный», «янтарный», «трепетный», «алый». В них – чёткость, ясность, мощь русского языка, его неисчерпаемость и глубина. Отсюда рождаются: «огненное око», «розовое небо», «угольная яма», «злая река», «звёздный меч»… А вот и другие оттенки красок: «алмазно-чистые воды», «просветы пышно-голубые», «нежно-зелёный богомол», «берег женственно-отлогий», «бархатно-чёрная бабочка», «глухо-знойный», «сочно-чёрная весна», «жарко-рдяное вино»…

Набоков продолжает традиции русских поэтов, в частности, Баратынского, когда использует приставки НЕ, ПОЛУ: созвучья нерукотворные, незримая рука, звёзд непорочных, полупечальных, полугоночный. В стихах нет сложных метафор, многоярусности, но в них чувствуешь душу человека, «четвертое измерение».

Сравнения своеобразны, необычны, он верен своему стилю, отрицая нарочитое морализаторство, соборность, общее место. Любил поэзию Бунина, Гумилёва. И в жизни верен своей судьбе – без родины, без своего дома, в гостинице и в ней номер 64.

А сравнения великолепны: лужи, как фиалки; феина дочь – влюблённый жучок; кипарисы, как монахи; ангелом реет сиреневый дым; душа моя, как птица белая; гость – белый великан; тучка вогнутая, словно мокрый белый лепесток. Почему именно белый? Это – и чистота, незамаранность, незапятноность памяти, сложность. Неповторимы сравнения, наполненные конкретикой быта: месяц – лимона ломтик в чашке чая; месяц, синеватый, как кровоподтёк; как на бархате мука, седеет пыль на кипарисах; так в плащ короткий божественный запахивался гром (о Шекспире). Поэт всегда подчёркивал значение последнего слова, стиха, строки, не ЧТО, а КАК сказано. Он ценил в слове прозрачность, точность, цвет. Ему претит пошлость, повторение чужого опыта, псевдопривлекательность. Мир един, поэтому в эпитетах нет противопоставлений. Стихотворению, считает поэт, необходима фабула. О лирическом переживании, о пустяке надо рассказывать «увлекательно, как о путешествии в Африку». «Стихотворение – занимательно, – вот ему лучшая похвала». Рифма всё-таки создана для слуха, а не для глаза. В стихах всё должно двигаться к неизбежной и гармонической развязке. Где только настроение – такие стихи случайны, недолговечны, как и само настроение. Они должны быть интересны, своя завязка и развязка, «читатель должен с любопытством начать и с волнением закончить». Его любимый размер, как он признавался – анапест. Он за поэтическую певучесть стиха, склонен больше к поэтике, где тема, её мистический центр находится вне первоначального постигания, она как бы за окном, воет в трубе, шумит в деревьях, окружает дом… У того дар, кто увидел необыкновенную подкладку жизни, её волшебство и странность.

Таков Набоков, поэт, «в бою случайном ангелом задетый», его «быстролётная песня». Честь и жизнь, своё творчество, «качели слогов равномерных», он «взвесил на пушкинских весах». Его лирика выстрадана, это не «заказ», не «общий путь».

«На пыльных полках памяти» остаются не самые лучшие поэты, не тираны, не лавровые веники общего супа, а «объясненье жизни всей, остановившейся, как поезд в шершавой тишине полей». Мир у него – не борьба классов, не череда хищных случайностей, а «мерцающая радость, благостное волнение, подарок неоценённый нами». Виден твёрдый стиль поэта в последние годы жизни – игра цезурами, музыка анафор, вставки лирики в прозе, строфические переносы, раскатистость слова, медленное, державинское, движение строки-периода, сосредоточенность чувств. Его поэзия – отчаяние, «молния боли жестокой», «смертное чувство любви».

За шестьдесят с лишним лет писательской работы Владимир Владимирович Набоков написал более пятидесяти книг. Наследие его огромно: романы, повести, рассказы, переводы, драмы. Романы – в основном на английском языке, поэзия преимущественно на родном русском. Его творчество принадлежит в первую очередь двум культурам – русской и американской. Это поэт невстречи, который «Россией всегда окружён».

2005, 2009г.

«Любовь – планета не случайная»

(о творчестве Александра Ореховского)

Поэзия издревле живёт любовью. Каждый по-своему выражает интимные переживания. Независимо от возраста, профессии, личных симпатий поэт чутко улавливает волнения души, тайну зарождения страсти, говорит об этом событии за всех любящих.

Лирическая поэзия – одна из самых потаённых, сокровенных сторон творчества пишущего, способного открыть своё сердце людям, передать в слове могучее и обжигающее чувство любви к человеку близкому и желанному.

Настоящую любовную лирику отличает душевное богатство, удивительное тонкое равновесие физического и духовного. Душе нужны не стихи, а поэзия. И никакие бытовые детали не могут заслонить образ возлюбленной, если поэт верен идеалу, лепит его, как скульптор, с завидным упорством.

Стихи посвящаются разным женщинам. «Любовь – категория вечная, но любят нас женщины смертные», – заметил В. Фёдоров. Образ Прекрасной Дамы остаётся один, но портрет её усовершенствуется гармонией поэтических красок многие века. Сегодня лирику губит «камасутровский настрой», языческая, неуёмная страсть, прямая грубая похоть. И никакой игры в высоком смысле слова, одухотворённого полёта, подлинного изящества в передаче огня любви, радости внутреннего мира! А это – деликатнейшая сфера человеческих чувств, где так необходимы такт, осторожность, мера, особая интуиция.

«Испытания на любовь» проходит лирический герой А. Ореховского во многих изданных сборниках стихов, начиная с первого – «Диалектика любви» (1992г.).

В книге «На перекрёстках любви» (2003г.) автор нашёл в себе нравственные силы выразить чувства, посвящённые одной теме, постоянно у него болящей, ответить на вопросы: А какая она, любовь? Что с ней? Каковы повороты страсти? Чем живёт душа?

«Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти», – говорил О. Бальзак. Прожитые годы не утолили жажду любить, искать красоту в женщине и удивляться ей. В слове лирик мучается своей жизнью, непридуманной, без мрачного ожидания смерти, без романтической жеманности и расхожей ныне сентиментальности: «Музыкой распада не зови, не надо!»

Стихи поэта и философа отличаются незаёмной мудростью и искренностью, беспрестанными поисками для женщины планеты Любви. Высокое тяготение держит героя, усиливая его веру в настоящую любовь.

Где-то в российской дубраве
Грезит о встрече со мной
Женщина в кофточке алой –
Волосы крашены хной!

Уверенность в том, что «любовь – планета не случайная», что с нею его муза не умрёт, поэт жаждет долгожданной встречи, когда «и тебе найдутся на планете самые достойные слова».

«Прорубаясь сквозь мрак Дон Кихотом смешным», зная, что современный «лирик, обречённый на страданье, на Земле недолго проживёт!» – Александр Ореховский благодарен судьбе,

… светлой частицей в моей биографии
Взошла ты, как всходит луна.

Он осознаёт свою ответственность перед любимой и перед суровым временем: «Я живу на плацдармах тревоги людской, на открытых ветрах нахожусь постоянно…». Убеждён, что душа человека не убудет,

Если чуткому сердцу
Отпущено счастье –
Не бояться потерь
Там, где надо дарить!

Теплота, душевность чувствуется в выстраданных строках:

Растопит горести, сомненья
Святое пламя глаз твоих –
И ты войдёшь, как озаренье,
В мой просветлённый верой стих.

Или звучит нравоучительно, но от души, просто и светло:

Не смиряйся с тем, что друг не чуток:
Чуткость – зайчик солнечной любви –
Явится в любое время суток,
Только равнодушьем не спугни.

Вызревают в пути слова, создается образ бескорыстного, духовно щедрого героя на перекрёстках сложных людских отношений, где много ещё лжи, пошлости, цинизма.

Когда стекают дни
Рекою в океаны,
Душевные огни,
Как маяки, желанны!

Остаётся неизменным желание людям нести доброе, «я люблю свет незримый дарить…». Озорная безоглядность, отчаянная удаль влюблённого в свою избранницу выплескивается в строчках:

С тобою – любви моей пленницей –
Я жить и в шалаш убегу!

Любовь у А. Ореховского проверяется и временем, где телесное даёт о себе знать и в турпоходах, и на курорте. на дискотеке или в купе поезда, где иной раз романтическое и возвышенное, чистое и нежное отброшены, обесценены открытым и наглым общением. Отсюда у него спасительный для души юмор, ирония, залихватская хлёсткая строчка, острая сатира на «ветреную» любовь и хамство. «Где б на ветрах – любви – не застудиться…» – подумаешь вместе с автором.

Глубокой любовью пронизаны стихи о матери, родном селе Рубино в Красноярском крае, о сибирской природе – Катуни, Яровом, Карачах, Речкуновке…

«Вызревание красоты» – таково название одной из книг стихов Александра Ореховского. Это продолжение мученического союза с музой. Неравнодушие к чужому потрясению, трагедии пронизывает страницы сборников стихов – «Власть притяжения», «Просветление». В них глубина нравственного сознания лирического героя, его пылкая натура, обострённость чувств сочетается с гражданственностью, ответственностью перед своим народом, Родиной. Не даёт покоя неуёмная боль в душе, отзывается сердце на печали и беды близких и незнакомых людей. «Не позавидуйте поэтам, им жить, страдая, суждено». Откровенная публицистичность, социальность стихотворений слились в единое с глубокими размышлениями «о времени и о себе».

«Чтоб на ветру не угасало слово», многое вобрал в себя лирик, знаменательно его признание:

Я еду без дорог –
Ухабы на ухабах…
Лишь груз людских тревог
Мне не даёт быть слабым.

Дидактичность и декларативность отдельных стихов первых сборников не заслоняет главное в поэзии известного учёного, доктора философских наук – «было бы с кем побеседовать, было б кого полюбить…», счастлив, «зерно намолотится, есть что на стол собирать…».

«Вызревание красоты», «На перекрёстках любви» подводят некоторые итоги поэтического поиска возвышенного слова, выражения своей любви к русской земле, к женщине, к страдающему Отечеству.

Александр Игнатьевич Ореховский – сын села Рубино Красноярского края, не раз бывал на «острие судьбы», «крещён сиротством и тоской», самому приходилось нести торбу, «и, словно птиц, бросал на волю горстями – в пахоту – овёс».

Философски осмысливая сложные коллизии бытия, автор остаётся верен своему призванию, «гавани назначения», отчему двору и дому-пятистеннику на краю села. Думой о Родине проникнуты строчки многих стихотворений:

Клин журавлиный.
Горечь прощания.
Воронов крики,
Как на войне…
Кружатся листья,
Падают листья
Зазимью ранней
В душу мою.
(«На распутье»)

Бутоны раскрывают
Тюльпаны и жарки,
И присягают маю
в лесу бурундуки.
(«Цветение естества»)

Дом-пятистенник,
последний на улице.
За огородом –
ложбинка ручья.
А за оградой
копаются курицы,
Не разберёшься,
горластая – чья?
(«В гостях у детства»)

Ты в сердце – песней,
Рубино моё. («Моя родина»)

Грустно видеть разорённую войной и временщиками деревеньку, «Где в военные годы шумела рожь… там вырос репей да осот. Речка Четь, обмелев, помутнела, не пестреет в поскотине скот».

В стихах о природе нет театральности, позы, искусственности. Просто, искренне и душевно звучат строки о матери, позаброшенном родном погосте в исповеди сына: «Знаешь, мама, как душу возносит глаз твоих исцеляющий свет». И хотя «наши плечи скрутило, и ноги скользят: устоять нету силы, и падать нельзя!», отсюда рождается яростное желание: «Не исчезал чтоб русский род в утратах: в тоннели – свет! И ямы – оградить!»

Характерными для творчества Александра Ореховского являются бескомпромиссность, идейная ясность стиха: неприемлемы сердцу героя подлость, измена, равнодушие к судьбе народа, насилие и грабёж. Уверенный в правоте доброго, светлого в жизни, он убеждает читателя: «Появится в тоннеле – без сомненья! – спасительный и благодатный свет».

Есть люди, чуткие к беде,
Способные понять, увидеть,
У них особый, свой удел:

Спалённых горем – не обидеть.

Светит «месяц – росный смотритель берёзовой сладости», живёт Россия, чисты её глаза:

Как много на Руси влюблённых глаз –
Доверчивых, наивных и прекрасных!
Теплом души они врачуют нас
И в холода, и в стойкое ненастье…

Богат мир поэзии Ореховского, в него вошли крутые дороги Кавказа и шукшинские Сростки, иссык-кульская волна и хакасская буланка, трагедия свободы России и дух просветления. Но стержень всего – родная земля:
«Русь, в душе моей – Свет целебный ты!»

Уходя от назидательности и ложной красивости, автор помнит, что «в поэзии истина тонка, чиста, как первый ледок», не сразу ему открывается тайна поэтического идеала Женщины, и потому он более взыскателен в отборе стихов, внимателен, как говорил Василий Фёдоров, к «пластике любви».

Своеобразен и поэтический язык. Многие метафоры возникают на стыке понятий философии, психологии, социологии, этики… Они далеки от вещественно-логического смысла, не свойственны материальному миру. Но иного здесь не может быть. Обилие символов, особое зрение души («аккорды седины», «рефлексия огня», «жернов бытия», «печи сомнений и тревог», «орбита смысла», «лекальная лыжня») передают сложность переживаемого, желание автора ярче выразить своё мироощущение. Разворачивается в своей необъятности опорное слово-стержень «свет», в нём истоки творческой энергии, эстетические оценки увиденного и пережитого, та мера чувства, глубину которого никто не исчерпал. Отсюда характерные в стихах эпитеты-определения – «целительный», «притягательный», «врачующий», «испепеляющий», «добрый»… Это вечный поиск истины, идущего, к примеру, от тургеневского «тёплого света» и есенинского «несказанного». Перегружена душа лирика существительными женского рода на «ость», образованными от предметов, признаков («расстрельность», «талость», «говорливость», «слёзность», «чейность»»). Многие стихи посвящены политической борьбе, частью сиюминутной, насыщены лексикой социальных изменений, гражданственно смело заострены современностью. Во многом они охватывают широко реалии мира, концентрируют в себе земные проблемы времени, вместе с этим ощущение малого погружения во внутреннюю суть лирического переживания остаётся. Несомненно, созреет зерно, достигнув совершенства в единстве формы и содержания.

Идёт «вызревание красоты», нового слова, расширяется биополе стиха, поэзии, «её свеча в душе лёд плавит вечно», потому и у Александра Ореховского обострённая тяга к восхождению на вершины мастерства. Умело используя ритмы фольклора, лексику современного языка, любимые корневые слова, повторы в конструкциях строф, автор остаётся верен своей стезе – исцелителя души.

В очерке «Исцеляющая вера» («Московский Парнас») критик Л. В. Ханбеков, преодолевая читательскую «ватную глухоту безразличия, невнимания» к поэтическому слову, дал справедливую и всестороннюю оценку творчества поэта-философа. «Александр Ореховский показал себя раскованным и глубоким лириком, способным облечь в яркие, солнечные краски самое радостное и животворное чувство в мире –

любовь. Его растворяемость в обожаемой женщине наполняет строки удивительной силой молодости, яркости и открытости».

2002г.

« Пусть в душе струится свет» (О лирике Валентины Жбановой)

Определить поэзию, её сущность – трудно, если невозможно. Но одно несомненно, что она существует, и разные поэты находили в ней нечто своё, сокровенное, вкладывали в это понятие тончайшие оттенки «диалектики души».

«Дневником душевного состояния» видится творчество Валентины Жбановой, которая имеет в своём поэтическом опыте несколько сборников стихов – «Поцелуй солнца», «Музыка сердец», «Стрелы Купидона», «Звёздный дождь», а также «Кошечка-чистюля» для детей. Все они изданы в Новосибирске в прекрасном полиграфическом исполнении (от 350 до 400 страниц каждая). Новые стихотворения продолжают выходить из-под пера не в силу необходимости, корыстного желания или высокого мнения о себе, а потому, что чувствуется и во что глубоко верится, как открывается неуёмная душа людям своей любовью, переживаниями, эмоциями, вспышками сердца… Оно пронизано неуловимой радиацией добра, несущей духовному и физическому миру человека не смертельный стронций равнодушия и лжи, а благотворные лучи света.

Истоки этого света, как известно, можно найти и следует искать не в тайнах профессионального ремесла, а в том, где возник, откуда он идёт, что это за родник, питающий душу постоянно. «Кто хочет понять поэта, тот должен побывать на его родине».

Валентина Владимировна Жбанова родилась на Полтавщине в Диканьском районе. Здесь начиналась жизнь, прошло её детство, отрочество. Среди живописных мест безымянной речки с молоком матери вошли в её душу – вольный воздух широкой степи, запах сожжённых солнцем трав, мелодии чудных украинских песен, щебет птиц, тяжёлое дыхание послевоенного времени.

Детство моё – хуторок Демьянки,

Соломенны крыши избушек…

Остались навсегда в памяти – «куклы из тряпок худых», вечером – слабый язычок каганца, «ухваты в углу возле печки …»

…А луг! Там с цветками я травы брала

И пол земляной крыла тонко…

«Железна кровать» в занавесках стоит,

Хрустя накрахмаленным видом
И горка подушек, красуясь, сидит –
В накидке из кружев, всё чудом…

И в рамочках фото семьи и родни –
Под вышитыми рушниками:
То гладью, то крестиком шились они
Под пенье Зимы вечерами…

или –

Вот садочек, где с отцом вдвоём
Посадили яблонек и вишен…

или –

Босоногое детство – улетело летами,

Лишь осталось наследство музыкальное с нами, – задумчиво и с грустинкой говорит стихотворец.

Родимой сторонке посвящены многие и горькие, и радостные стихи («Малая Родина», «Родничок», «Мамины руки», «Песня кузнеца», «Счастье в лесу», «На покосах», «Родина», «Магия леса» и др.).

Музыка сопровождает Валентину Жбанову с детских лет. Её отец, будучи ребёнком, не имея ещё настоящего музыкального инструмента, очистив ивовую ветку, натягивал на неё суровую нитку, а то и отрезанный от хвоста лошади крепкий волос, и, сделав смычок, выводил из своеобразной скрипочки для девчат весёлые нотки. Музыкальный слух, дарованный Богом, перешёл к дочери и её детям – сыну и дочке. Взрослела душа и под песни деда, мастера-кузнеца, который умел создавать из металла не только подковы, но и прекрасные цветы.

И не было двора, где не был нужен
Его непревзойдённый тяжкий труд,
Сапа, лопата, колесо… про ужин
Он забывал: «Подковы – кони ждут!»
И льётся звон весёлый ежедневно
С рассвета до заката по селу.
Меха сопят…

*(*Мелодия родного края*)*

Верленовское – музыка прежде всего – находит, кажется, своё воплощение в творческой судьбе В. Жбановой, в ритме строчек, в словаре поэтической мысли.

Поэтому часто появляются в стихах термины из мира музыки, других видов искусства (соната, лира, фламенко, ретро, престо, форте…).

Словно звуками кантат –
Полон воздух, вдаль летящий…

(Цвет черёмухи)

Соловьины рулады
Как лучи в синеве.
Им скворцы вторят смело –
Переливы «глиссе».

(Вольность мысли)

Прошумит серенаду любви где-то лес…

(Таинство любви)

Тополь ветвями качает –
Нет былой листвы,
Дирижируя, встречает
Зимний дар игры…

(За окном)

Тик-так, тик-так –
Сердечко ритму подпевает.
Давно все спят…
Мне нет нужды во сне.
Моя мечта –
Луной в окошке замирает,
И нет кантат
Для слуха слаще мне.

(Ночная кантата)

Многие стихи автора построены на взволнованной, эфматической речи, в ней – помыслы, желания, с особой силой выраженные эмоции:

О музыке хочу писать
И размышлять о добром, Вечном,
Под звуки дудочки плясать.

(Чувства)

Ещё хочу моей стране -

Добра!

Чтоб благодатью мира -

озарилась!

Чтоб радостью сердец она жила,

Улыбками – сердечными светилась.

(Чего хочу)

В каких бы странах В. Жбанова ни была, с какими бы интересными личностями ни встречалась, а ей известны Германия, Франция, Швейцария, Хорватия, Италия, в ней всегда звучит голос Родины, России, своё, близкое, кровное…

И слышен милый перезвон –

Коров на пастбище погнали…

(Утро в Лародде, Франция)

Верностью Отчизне, сибирскому краю наполнены медитативные строки-размышления:

Швейцария… придёт во сне –

Вершины гор… и чужестранец…

Среди берёзовых стволов

Мне вечно чудится твой голос.

Россия… путь судьбы таков… (Встреча)

Я убеждён, что только беззаветная любовь скромного человека,

чутко улавливающего прелесть русской природы, способна подвинуть душу на восприятие земного сопричастия:

Шепчется ива с рекою,

Низко к воде наклонясь,

Веточки нежит волною,

В чувствах своих не таясь.

(Душевный разговор)

Характерным для творческого почерка В. Жбановой – точная дата, время суток, место. Почти документальное свидетельство, скрепа во времени, даёт неповторимое ощущение правды, волнения души, конкретного переживаемого момента. Так в Париже (24.04.2004 г., 17.30) возникают стихи (бывают у других

поэтов и с телячьим восторгом), веющие отсутствием любви, нежности и тепла. Сердцу веришь, ему действительно одиноко.

По небу белые барашки –
Пасутся в ясной синеве,
По травке бегают букашки,
Играют дети на холме…

(Одиночество)

В этих автологических строчках – простота, ясность увиденного, холодный тон созерцания, какая-то гнетущая тоска о милом человеке. Любовь переходит из одного стихотворения в другое. Она постоянно проверяется длительной разлукой, столкновением разных темпераментов, характеров, эстетических вкусов героев, и в безысходности, в сжигающем мечты и грёзы костре любви, казалось бы, нет выхода. Но выплывает из глубины сердца новая мелодия, оживает душа, исповедуется, и влюблённость в жизнь обнадёживает человека, заставляет бороться и созидать.

Прямота душевного разговора, открытое обращение, искренность чувств, полногласие звуков, синтаксис – без замысловатых метафорических конструкций – сближает творчество В. Жбановой с предшественниками символизма – Майковым, Полонским, Фетом, Фофановым. Однако следует заметить, что пафосу «песнопений», романтическим туманным и красивым образам, миру напыщенных прециозных эпитетов, переплеску чувств противопоставлены трезвая современность, суровая действительность, живая реальность и бескомпромиссное служение правде и красоте. Это остро ощущается в содержании многих стихов («Современный Дон Жуан», «Спецназ из Чечни», «Ни о чём», «Музикора», «Зло и добродетель»).

Поэтический голос насыщен специальной терминологией мира искусства, понятиями из области морали, мировых религий, мифов (аура, чакры, греческие боги…), а также лексикой, фразеологическими оборотами разговорной речи, элементами местного колорита (став, испивать, залюбки…), современным жаргоном улицы и быта (косячок, улёт, шабутной, передряга…), органически входящими в ткань русской речи, что, в общем, говорит о личной судьбе автора.

В художественном методе В. Жбановой есть любимые образы, опорные слова – Муза, Любовь, Музыка, Ночь. Время ночи особенно дорого автору, в эти таинственные часы рождается лирика, душа вбирает весь небесный мир, красоту Творца. Например, у Тютчева любимый мотив «водная стихия», шедевр русской поэзии – «Ночь» Я. Полонского. Традиция поддержана, и очевидна неразрывность с природой страдающей души:

И снова жду «летящую» звезду,
Звучит в надежде новое желанье…
Когда-то за звездой – и я уйду,
Но вряд ли будет в том очарованье. (В ночь звездопада)

Ночь – это муки творчества, разговор со звездой, признания в любви, мечты… («Разговор со звездой», «В объятьях ночи», «Голос в ночи», «Ночная сказка», «Царица неба ночи, «В ночной тишине», «Мечта в унисон», «Аллилуйя», «Наедине до рассвета», «Прогулка в бесконечность», «Ночное приключение»). Умело используется стилистический приём – олицетворение в живой игре – волшебство в полночь. Неодушевлённые предметы наделяются речью, поступками людей: Мишка, слон, волк… Волшебник-Сон с дочкой Дрёмой кое-как успокоили ночное веселье! А весь этот пир-шабаш с улыбкой наблюдала Луна! Действующие лица – насекомые, птицы, животные – поют, плачут, радуются солнцу, трудятся, заботятся о друзьях («Малыш-оленёнок», «Муравьи», «Счастье в лесу», «Утренняя перекличка»). Природа становится определителем нравственной чистоты. «Раньше белку рыжую встретить здесь могли, нынче кошку чёрную с города свезли… Чёрная – по беленьким – прыгает стволам…», «Красоту божественну – скоро изведём…», - сокрушается Авдотья («Рассказ бабки Авдотьи»).

Особо выделяется в творческом пути философское осмысление бытия, постановка вечных вопросов о жизни и смерти, цели существования человека, природы. Размышления рождают нечёткие, мерцающие образы, основанные на ассоциативном сочетании предметов-понятий, неуловимых реалистическими средствами. Суггестивной лирики мало, и, возможно, это будущие шаги («Не могу понять», «Улыбки», «О чём журчит вода?»).

Хрустальная струя
в дыханье водопада…
О чём журчит, звеня
средь каменного взгляда?
Какие мысли в ней
без отдыха взлетают –
Частицами дождей
смех-брызги рассыпают?..

Творчество Валентины Жбановой обращено к человеку, жаждущему тепла, света, ума. Оно полнится, зажигается ответной любовью читателя-друга. Вся её биография – в этих строчках, иногда неприбранных, шершавых, но всегда идущих от сердца.

Вспоминается признание Ю. Тынянова: «Люблю шершавые вещи… Люблю шершавых людей!», и верится, что непохожее словотворчество найдёт продолжение в поиске новых мелодий и жанров, разных форм и тропов.

Целостное восприятие творчества Валентины Жбановой ещё впереди. Важно, что есть поэтическое видение мира, жизненность материала, «высокая простота» и «мелодичность» (М. Замшев). Совершенствуется мастерство, расширяется регистр художественных средств, широко используется строчные и строфические переносы (инверсия), обогащается словарный запас. Для её лирики

характерен автологический стиль, суть его – в приятии гармонического единства искусства и природы, в реализме изображения. В светлых стихах – меньше металогичности, больше – прямого обращения к человеку, открытости чувств, душевной щедрости. Сопереживание осознаётся автором в стремлении – найти верную мелодию, точный образ.

Следует каждому помнить В. Хлебникова: «Вывески понятны, но это не поэзия…». Душа стихотворения – в неожиданности, в настроении, в мельчайших оттенках значений, в окраске слова. И ощущения – от боли до счастья – просеются и в итоге воплотятся не во внешней теме, а в глубине и силе внутреннего голоса поэта, в новых стихах. Пусть неиссякаемо струится свет в душе!

2007г.

«Параллельные миры» Ланы Лебедевой (Л. Лебедева. Стихи и стихии. 2003г. Студия «Доброе слово»)

Писать стихи легко. Сегодня их можно складывать в скирды, потому как пишущих предостаточно, страсти кипят в котле приобретённой (надолго ли?) свободы, чувств в избытке, умильных особенно. Но душе нужна поэзия (привередливая всё-таки, даётся с трудом), нечто связующее сердца людей, определению не поддающееся. Она есть. Или её нет. И когда её нутром почувствуешь (в звуках, жестах, красках!), неожиданно забываешь время, себя, окружающий мир. Боль другой души становится твоей, ты начинаешь этим жить и маяться, удивляться совместимостью пространства, пересечению параллельных миров. Чувство единения двигает человека – быть рядом, разделить с ним грусть и радость, любовь и ненависть.

Острая боль неравнодушия, приятие всех мыслимых и немыслимых конфликтов «источника вдохновения» – жизни воплощены в поэтическом содержании событий, фактов, встреч и расставаний Ланы Лебедевой в сборнике с претенциозным названием «Стихи и стихии», редакция автора.

Я – века наблюдатель скромный,
Я вся – сомнения и сны…

Так говорит автор о себе, и «ловишь в хаосе сознанья» «ощущение тишины». Но это обманчиво, что кто-то, едва касаясь «невесомой тишины», будет много жить и счастливым умрёт, ибо ладья ладони друга «Здравствуй!» не даёт покоя.

Как же труден, как же долог
Путь, где мы летим друг к другу!

И разве поверишь в то, что «правдолюбцы» будут «без упрёков и лжи вместе всю медовую жизнь»? А какой любящей душе этого не хочется! А вот и нету.

«Рано ты начал, рано мазать, мой друг Амур!» Горечь, отчаяние, неизбывность желаний не опустошают героиню, а наполняют убеждённостью в верности своего пути, «вовсе нет греха на том, кто одинок».

А память за чертой побед, обид и ран
Пусть будет золотой и горькой, как шафран.

В этой неожиданности – воздух поэзии, которым дышишь и наслаждаешься. Читатель-голубь, «подходи, себя не мучай, скоро кончится зерно». Только капли крови чистой души, её величайшая открытость рождают стихи непростой судьбы. Пронзительны многие строфы несовместимостью добра и зла, правды и лжи, искренностью чувств. То завидно «румяному шарику снегиря», то жизни радостной собаки – «вот это жизнь! И мне б нырнуть в сугроб, визжа…», то плывущему медлительно по снегу рыжему коту, как солнечному осколку «в уныло-сером пологе зимы». Но вместе всегда – с жестоким холодом города, разборками в маленьком Вавилоне – «автобусе 26 маршрута», с небесной иглой тысячелетия – кометой Хейла-Боппа, с землёй напрасных жертв, с иллюзиями прошлых надежд, ожиданием – «ты придёшь, ты не можешь оставить меня в пустоте…»

«Люблю эту землю», – вот веское слово женской натуры, и ей не впервые кровью и тяжким трудом «из ночи выковывать день». Речь стиха, его семантика подспудно наполнена эмоциональными контрастами, ясным сознанием духовно зрелого человека с чёткими жизненными ориентирами, человека мятущегося в поисках доброго, верного. Острый взгляд подмечает в обыденном удивительное новое. Прозрачно, кажется, окончание дня в стихах «из окна», но интуитивно движет душу глубокое стремление – рассеять тьму! «И я иду, включаю свет», хотя иногда оно прямолинейно и схематично: «но плату здесь взымают кровью, и я плачу, плачу сполна» («Лесная музыка»).

Не характерны для лирики нашего современника излишняя жёсткость каменных трупов, «не кровь, а яд», мысли-упыри, капли смерти из чаши жизни, «холодная злость напоказ» и – «однажды упасть строкой изящного сонета». Авторская редакция всегда оставляет желать лучшего в композиции, в соотношении разделов, в развитии мысли отдельных строк, но вместе с этим она даёт представление об уровне владения словом, способности критически подходить к своему творчеству. Труд души ощущаешь, когда «осень обостряет слух», «идёт с картошкой по двору мой Параллельный Мир!»

Своеобразна инструментовка в небольшом стихотворении «Ливень». В гости к нам пожаловал, зашумел, пока робко, несмело, долгожданный дождь. Обилие звуков свистящих, шипящих, буйная аллитерация согласных «з»,»с» «щ» «ш» слышится в приходе свежести после знойного и пыльного лета. В протяжно-очищающем переплетении гласных «у», «ю» («… с кручи струи, в землю уходя. Пыльной улицею тучи…») идёт с ветром ливень и широко, открыто – в свободном «а» последней строчки, когда «тучи потащили плащ дождя». Не везде это можно найти, но это говорит о художнике верном, его чутком слухе, умении выразить содержание в единстве с формой.

Что впереди? Одна дорога,
Ей ни начала, ни конца…

И есть надежда в творческом высоком полёте «огненной птицы» Ланы Лебедевой, чтобы «родную стаю в дальнем крае обрести». Залогом этого – несомненный поэтический дар её «стихии», новизна осмысления некоторых сюжетов и тем,

способность самобытно передать своё мироощущение в запоминающихся ярких образах. Трудна, порою трагична, лирика поэта, «но сердце бьётся, видят очи и жажда истины дана…»

С призванием – нам светить (О.Дубровина. Под аплодисменты дождя. Стихи. 2004г. Студия «Доброе слово»)

Стихи Ольги Дубровиной по-женски исповедальные, открытые, обманчивы своей нежностью, как лапка кошки. Они о неутолимой жажде добра, верности в любви, поиске прекрасного в человеческих отношениях. Характерно для стихотворений – недовольство собой, повседневностью окружающего быта. Желание «с надеждой на спасение», «с улыбкой встретить новый день», неуёмность души, бескомпромиссность пылкой натуры рождает строфы, полные страсти отчаянной и неудержимой.

Я не равнодушен к «не», и это заметно в моём выборе.

«Ни прошептать, ни крикнуть не посмела.
Не захотела. Или не смогла.
Зажгла огонь. Сама в огне сгорела.
По ветру – пепел, под ноги – зола…»

Кто разглядел небо, тому назад, верно, возврата нет: «Мне свобода дороже хлеба». Острая боль пережитого (а в лирике всегда всё личное!), раздвоенность внутреннего чувства, его противоречивость выливается в пронзительные строчки о любви, о беззаветной преданности близкому по духу человеку и, с другой стороны, – стремление остаться верной себе, сохранить свой мир. Безразличие, скупость чувств претит лирической героине. «…А главное было написано на обороте листа» – и это в судьбе человека чаще всего становится решающим, хотя слышится: «Мне б с высокой колокольни броситься в просинь глаз бессмысленной любви».

Тяга к доброму, надёжному, сильному вселяет уверенность, что творческое начало имеет под собой светлую нравственную опору, и это, по-моему, подтверждает «звонкий лучик майского света», «взъерошенное солнышко»…

Беспредельной нежностью (самому даже хочется помурлыкать) дышат стихи о рыжем коте Бонифации, о «золотой паутине света», о пути к неизвестному под «аплодисменты дождя».

Твёрдая вера в жизнь, любовь к « братьям нашим меньшим» убедительно говорит о стойкости характера женской души, которая «расцветёт у проезжей дороги земляникой», осознаёт: «Я не знаю, что будет завтра, но я знаю, что завтра – будет…» И кажется: в нём, как в грозу, строчка-молния рванёт сухое полотно души, и надвинется на тебя долгожданный тёплый, добрый дождь, благодатный и исцеляющий… «Обжигающе ново и – страшно опереться на пустоту», но первый шаг сделан, порывистый, неровный, безоглядный. «Надо, надо, Олюшка…» – сквозь разочарование, жертвенность, горечь расставания и утраты. Сквозь одиночество – к сердцу человека.

«Здесь живу душою…» (Ю. Карасёв. Я в Сибири рождён… Стихи. 2000г.)

Когда у поэта есть родина, – а это главное в творчестве, – её люди, поля, озёра и околки всегда отразятся в его стихах, он будет вечно питаться соками земли, жить её бедами и радостями. Она там, «где ночь на мягких крыльях, баня светится окном, и селенье будет милым, дорог сельский скромный дом».

Стихи Юрия Карасёва в небольшом сборнике «Я в Сибири рождён…» интересны и злободневны. Истоки его вдохновения: Бараба, Шубинка, Жуланка – родные места Юрия, здесь он вырос, вобрал в строчки удивительный свет равнины, где «с думой тугою» деревенька «живёт с надрывом. И работает, и поёт».

Стихи Карасёва подкупают читателя искренностью, жизненной правдой, щемящей болью за перелески гривы Барабы, «страну их детства», где часто слышит сердце лирического героя песню родины:

Вроде, жаль покинуть эти колки,
Эту степь, звенящий в ней ковыль,
Солнца свет и лунные осколки
На реке, в траве росинок пыль.

«Раздольная степь, безымянные озёра. волной у озера камыш, и трясогузая синица свистит, распугивая тишь…» А при весеннем дождичке «вода, слезою по траве, на землю кап да кап, по глине, словно по канве, шитьё гусиных лап».

Жизнь крестьянина полна забот и тревог, но ждёт новый день село, «ей, деревне, всегда казалось: вот маленько, ещё чуть-чуть, вот одна только малость – и откроется светлый путь».

Кто не согласится с откровением автора увидеть «через облачный плетень тыквою» луну, почувствовать тайное желание:

В этой сутемной тиши
Пусть мне повезёт
Черпать пригоршней души
Звон небесных вод.

Юрию Карасёву помнится горькое детство, как отец его на поле «пластался босиком», казачья родословная, идущая от времён Ермака…
Всё дорого ему, и потому осознанно говорит себе, что это «забывать не след». Тяжёлый труд землепашца известен автору не понаслышке, корнями врос он в родную Барабу:

Звенящих вёдер переклики
И пастуха незлобный мат,
Хозяек заспанные лики
О многом сердцу говорят.

Убеждённо звучит стихотворная речь: «Деревня есть – Россия есть!» Слушая Чайковского, очищаясь светлою памятью о сынах своей Родины (Есенине, Шукшине ,Высоцком, о безымянных героях войны и их внуках), поэт мысленно утверждается в одном:

Да, надо веровать в Россию
Или, не веря, умереть.

Отсюда и неизменность выбранного пути, признательность и благодарность солончаковой сибирской земле.

Пойду светить я по Руси,

Согрею всех нагих.
Хватило б только божьих сил
В ногах моих.

Яркие, зримые образы родной природы по-есенински выразительны, самобытны, поэтически жизненны:

Кожемякой старым вечер
Мочит шкуры серых туч…
……..
Набухают тучи зримей
Сухарей в ключе воды…
…….
Со сковородки розовой зари
Оранжевого солнца блин скатился.
…….
Держу с тоскою и волненьем
Весну на кончике пера.
…….
Стада облегчившихся туч
Спешат на водопой.

В сборнике Юрия Васильевича многие стихи политизированы, полемически заострены нашей современностью, идейно спорны, много посвящений родне, но лучшее из них – душа простого человека труда, его любовь к людям Барабы, к своим землякам, к скромной её природе.

«К нам пришёл поэт», – сказал однажды о Юрии Карасёве известный поэт-фронтовик Иван Краснов. Этим всё сказано. За плечами большая жизнь. Нам остаётся ждать новых стихов, продолжения творчества.

2001г.

«Возраст любви»

(о стихотворениях Веры Некрасовой)

Вышедшие в Новосибирске два сборника стихов Веры Некрасовой «Притихшая душа»(1997г.) и «Синицы в рукавицах»(1998г.) открывают мир поэтической натуры, неповторимо светлой, радостной и доброй. Лёгкость писания идёт чаще всего от неглубокого знания жизни, отсутствия личного опыта души, но желания быстро освоить его в слове. О стихах В. Некрасовой этого, к счастью, не скажешь.

Она родилась в рабочей семье, окончила филологический факультет пединститута в Новосибирске, работает педагогом, руководит детской студией поэзии «Семицветик», участница сборника стихов «Литстудия» (1990г.) В её поэзии правдиво отразилась сложность нашей жизни, неуспокоенность души.

Обманчиво, казалось бы, название первого сборника стихов, от него будто веет покоем и умиротворённостью. Но открываются страницы, и чувствуешь не элегическую интонацию, окрашенную грустью (без неё поэзия невозможна), не унылое повторение

избитых бытом истин и описательность, а страстную, противоречивую жизнь, которая бьётся в тисках нашей современности, людскую горечь и боль, принятую на себя. С этой жизнью она связана своей судьбой:

Она меня спасала,
Она могла лечить,
Над головой держала
Горящий крест в ночи.
Она дарила ярость,
Когда сбивали с ног,
Подкладывала радость
Под нищий мой порог.

Внутренняя сила души, её стойкость и мужество вселяют уверенность в завтрашнем дне:

Хоть тело надрывала
Невыносимо боль –
Она жила со мною
И мне давала жить.

Знаменательны по своей искренности и признательности строки о нерасторжимости себя с людской бедой, об ответственности за человеческие судьбы:

Да не оставит меня боль
За всё, творимое на свете!..

С этим чувством живёт «притихшая душа», не мыслит она и своё «белокрылое счастье» в трудной дороге, где слышится далёкий волшебный голос:

Где-то заблудилось в одночасье
Среди сосен, под огнём зари,
Моё счастье, моё бабье горе-счастье,
Хотя сосен было только три.

«Бегущая по сугробам» молится одному – беспамятсву в горькие минуты, но его не дано.

Мне бы – в окно,
да навстречу свободе,
В прошлом оставив стенанье палат,
Мне бы забыть среди
звёзд небосвода,
Что два крыла за спиною болят.

Личная, материнская трагедия не ожесточает её душу:

Мне для счастья надо
До смешного мало:
Чтоб не заграждали
Свет в моём окошке…

Она по-детски верит в сказки, в Бога и людей, и редко кто может так сказать:

Только люди мне под двери
Всё подкладывают змей.
Но я змеям тоже верю,

Молоко им в плошку лью.
Звери-люди,
Люди-звери,
Я вас всё-таки люблю!

У Веры Некрасовой есть любимые корневые слова, на которых держится поэтическая ткань – «тишина», «окно», «полёт», «крылья», «кошка, друг единственный». Тишина – не идиллическое состояние природы, она живёт вместе с героиней, дышит, волнуется, проверяет «возраст любви», глубину чувств любимого.

Туда, где плачет тишина…
…….
Но я взрываю тишь у ног,
Спускаюсь в ночь звенящим шагом,
А вслед за мной летит окно,
В нём шторка бьётся жёлтым стягом.
…….
Милый, ты не интересен –
Ты не слышишь тишины.
……..
… и дышишь тишиною,
И держишь на ладони её, как цветок…
……
Ни ветра, ни скрипа, ни бряка.
Так тихо, что хочется плакать…

Тишина вызывает слёзы не от одиночества и отсутствия звуков, не от ухода в небытие из суетного мира, не от безнадёжности, а от полной сосредоточенности и погружения в тайну существования. Слово «тишина» любимо А. Ахматовой («Я росла в узорной тишине…»), Б. Пастернаком («Тишина – ты лучшее из всего, что слышал».)

Символичен образ окна у Некрасовой. Это – открытый мир Вселенной, душа ищет в пространстве окна своё спасение, мечту, в него стучатся Весна, Птица, Любовь, оно всегда открыто всему доброму и светлому.

Раннее утро, четыре часа.
Врываются птичьи в окно голоса…
…….
Вторую неделю стучится
В окошко усталая дрожь.
……..
Я у окна, как побитая кошка…
Позволь, я сердце твоё отворю,
Позволь, впущу в него птиц и зарю…

Характерны и органичны для почерка автора стихи: «Мне дрёма в волосы запустит…». Душе грустить недосуг, она, поверив в быль и небыль, пытаясь «в окошко Вечность увидать», стремится всё объять и ощутить, вернуться назад, вздохнув,

Куда уж годно –
Болтаться в небе по ночам!

Уснуть с улыбкою Джоконды,
Познавшей тайну всех начал.

В стихах ощутима глубинная связь с Родиной, со своим пращуром – стариком акыном, преемственность через годы:

Я слышу: оживают струны.
Быть может, это пращур мой
Поёт про степь, про маки в росах…

Поэтому соединились здесь в единое жар Ташкента, осень Чирчика и Васильевского острова, станции детства Инская и Сибирская, память о Шукшине и Окуджаве, любовь к Пушкину и Толстому.

Я родом из синих ветров
и белых летящих качелей.
Я родом из певчих снегов
На крыльях разлапистых елей.
……
Храни же, Господь, год от года
Ту землю, откуда я родом.

Оправдывая своё имя Вера, данное отцом, предостерегает она легковерных и сиюминутных: «Не надо быть собакой для меня», «а вдруг придётся шкуру поменять».

Действительно,
Не имей сто друзей –
Это тяжкий крест.
Ведь душа – не вокзал,
Всем не хватит мест.

Неожиданные повороты в развитии темы не случайны. Образы рождаются в коротких строках, они открыты, вещественны наглядны и приземлены. Таковы отношения и с возлюбленным-нелюбимым. Резко звучат строки:

Меня ждёт – дочь.
Тебя твоя дорога.
Прости-прощай.
Я вытираю губы.

Мотивам «трёх огромных точек» посвящён цикл «Чужие», стихи «Летят недели», «Тринадцать месяцев», «Давит на плечи холодный рассвет…», «Синицы в рукавицах», «А мне сегодня 18». Любящая душа взрослеет, набирается опыта, духовно мужает. «Грешно над юностью смеяться, когда она немолода». Крушение надежды, взаимного притяжения убедительны во многих стихах.

Ты уезжаешь. Я остаюсь.
Ты напеваешь. Я – молюсь.
Но замкнуто сердце.
И взгляд твой колюч.
И падает наземь сломавшийся ключ.

Нечто ахматовское слышится в рубленых строфах, в символичности предметов:

Нет, я не помню прежние обиды,
Я лишь сняла с руки твоё кольцо.

Многие образы природы запоминаются своей яркостью, свежестью восприятия. Некрасовой удаётся выразить боль изувеченных клёнов, их «артритные пальцы», «зелёную кровь подорожника», «хруст почек тополя», В одиночестве мечется льдина, словно покинутая душа, царствие Света «умирает синицей в руке».

Вера Некрасова свободно использует в своих стихах разговорную речь, диалог,, верлибр, сонет. Она ищет себя, свой стиль. Разнообразие ритмов, широкое использование неточной рифмы (селезни –велесень», «ржавый – пожалуй», «унылый – обронила» и др.), певучесть строк, духовный рост лирической героини, неистовость, открытость и совестливость души – вот, как мне видится, продолжение пути стихотворца.

«Притихшая тишина» – стихи многоплановы, неупорядочены, полны разнообразием острых наблюдений, эмоциональных и импрессионистских всплесков, афористичны, возникли «некстати», динамичны в диалоге «я – он», насыщены подтекстом, пропитаны беззаветной любовью к людям и родному краю.

«Синицы в рукавицах» – это более сдержанная лирика, имеет небольшие разделы, чувствуется отбор, сосредоточенность мысли, остаётся всеядность в ритмах, в темах, автор чутко слышит сокровенные звуки. Стих диктуется жизнью, порой суровой и жестокой, в нём бьётся пульс времени, нет жеманства и претенциозности, меньше игры словами, идёт углубление в тайну бытия, нарастания тревоги.

Таисья Пьянкова, поэт и сказительница, так отозвалась о стихах в предисловии сборника: «В поэзии Веры Некрасовой я, с благодарностью к автору, приобщилась к неповторимой мелодии чистого голоса…»

Творчество В. Некрасовой не ограничено условными рамками обыденного окна, оно ширится, набирает силу, и в будущем, надеюсь, «от сплетенья рук горячих запоют синицы», мир теплеет, ибо «чего ни касались бы мы, непременно касаемся сердцем».

2001г.

«Я воплощусь…» О творчестве Маргариты Духовной
(предисловия к сборникам стихов)

Маргарита Духовная… Это новое имя приходит в поэзию с искренним признанием в любви к человеку, к родной земле, к искусству слова, жеста, игры.

Она – актриса, живёт в мире театра, сцены, песни. Здесь рождаются её поэтические строчки, вспыхивает и гибнет чувство, создаётся возвышенное. Стихи пронизаны чистым воздухом любви. беззаветным служением прекрасному. Душа героини – в поиске и обретении верного слова, яркого образа, желанного ответа:«И, не сладив с собой, бегу я к тебе за ответом, чтоб вновь породниться с бедой».

Веришь открытому сердцу, любящему всё живое, честное, отвергающее фальшь, предательство, измену. «Ведь самая страшная в мире измена – себе!»

Стихи её поражают мощной экспрессией в рваной, отрывистой строке, обнажённостью и правдой чувств. Действительно, сегодня «разлук невидимая нить натянута все крепче».

В чём же разность несовпадений?
В том, что нету в душе другого

этой боли, скользящей тенью
от кричащего – до немого.

В этом видится суть поэзии Маргариты Духовной, её любовь и надежда. «Я воплощусь и в светлой, ясной мысли увижусь с тем, кого давно ждала».

Выбран трудный путь, он ведёт к открытию сокровенного, глубоко пережитого, к восприятию умом и сердцем ниспосланного света.

«Откровение перед зеркалом», 2001 г.

«Купальский огонь любви в стихах Маргариты Духовной»

Июль – макушка лета, радостное и тревожное время года, и сам Иванов день (7 июля) – один из важных разгульных праздников на Руси, когда в его воде и росе люди черпают целебную силу. В купальскую, короткую ночь, по поверьям, нельзя спать, остерегайся проказ колдунов и нежити, ищи своё счастье, попытайся найти и сорвать ярко-красный цветок папоротника, очисти душу и тело в плясках и весельях вокруг костров…

Ищет себя и Маргарита Духовная в новой книге «Июльская ночь». Как и в предыдущих сборниках стихов, она остаётся верной движению к добру, неумолимой тяге – обрести своё женское счастье, выразить в слове любовь к ближнему, боль и муку, очиститься великим огнём неповторимого чувства. Сгоришь в нём, но это не пугает её, всегда для неё праздник души – Иван Купала, Рождество, неожиданная встреча с родным по духу человеком.

Люблю Рождество и колядки,
гаданья пьяный угар!
Снежинки, сыграв со мной в прятки,
зовут, где кипит самовар.
И песни, и санки, и горки,
и снег, и любовь, и мороз,
ах, как же хочу я, девчонки,
бежать и лететь на авось!

Открытость и недосказанность, внутренняя раскованность и яркая образность, нечто цветаевское свойственны лирике и первым опытам в других жанрах (поэма, рассказы, пьеса). Автор искренне верит в красоту человеческих отношений, в неодолимую силу любви.

Не бойтесь быть чуть-чуть добрее,
поверьте в правду всех примет.

В стихотворениях остро ощущаешь горечь разлуки с любимым, порывистость и целеустремлённость натуры, невозможность жить с надломленной мечтой, изменой и пошлостью. Необузданность, динамичность и ясность чувств наталкивается на чёрствость, сухость и расчётливость мелких душ.

Как поверить в пустой суете,
что любовь ещё в жизни бывает…

Просты, непритязательны строчки стихов, но в них видится лучшее, верность избранному пути.

Кухня моя – маленькая,
грустный стол.
Стульчики – как завалинка,
скрипнул пол.
Тихо сижу – счастливая!
Дождь люблю.
В лавке купила сливы я,
вкус их длю.

Боль не уходит, она ещё откроется в действиях лирической комедии, в исповедальности рассказов.

Не всё в них равноценно и выдерживает груз ответственности перед высоким искусством, это осознаёт автор: «Хотя и в чудо я не верю – рискну! Открою сказке дверь…»

Не мыслит она будущее без живительных лучей сокровенного слова, пусть трепетной, наивной, но вечной мечты – помочь выстоять душе в драматизме современных конфликтов.

И в церкви сумрачной потом
молиться буду обо всём…
И, плача, подымусь с коленей,
став тише, чище, откровенней.

Жизнь питает творчество Маргариты Духовной, оттачивается её перо на сложном и тонком соотношении слов, продолжается поиск своего стиля сквозь обжигающий огонь любви.

«Июльская ночь», 2002 г.

Содержание

Часть первая. Стихотворения
1. «Моё гнездо»
«Стихи придут к тебе…»……..3
«Голубыми сугробами…»…….…...3
«Утешить душу песнею метели!..»……..4
«Моя родина простая…»…….…….....4
Деревце …….…5
«Моё гнездо – в равнине плоской…»…….…....6
«Мы к свету осокой пробились…»……...…….....7
«Нам всем пора лечиться первым снегом…»…….....8
«Мы жить ещё не начинали…»……...9
2. Пушкинские эпиграфы
1 «Смастери свистульку мне на память…»…….……10
2 «Пора в бега! Рога оленьи…»…….....11
3 «Свети в пути, морозная звезда…»…….…….12
4 «Растворись навсегда…»…….….....13
5 «Полюблю осеннюю остуду…»……..……14
6 «Брёл старик в лохмотьях серых…»……...15
3. Цветаевские эпиграфы
1 «Подходят осенние дни…»……16
2 «Вы куда, о летящие в ночь поезда?..»……..17
3 «Позабудь обо мне и поплачь…»……...18
4 «Первый снег упал на землю…»……18
5 «Остановиться – не дано…»……...19
4. «Над солонцами Барабы»
«Отпусти меня…»…….…….20
«Высохла лодчонка…»……..... 21
«Лодка, полная язей…»……..21
«Берег скрыт в камышах…»……...22
«Ветрено. День не задался…»……23
«Не ловится с утра, не ловится…»……24
«Май развесил сладко уши…»…….....24
Мне клубок размотай……..25
«Меж каменных дворов, где хилые деревья…»……...27
Метро……28
«Мицкевич пашет поле…»……..……..29
«По желанью сердца…»……29
«Обновляют церквушки…»……30
«Слышен голос девичий на хорах…»……30
«Во спасение – осенний…»……31
«Надежду питает далёкая синь…»…… 32
«В долине замерли столбы…»……32
«Уберите с востока…»……..... 33
«Над солонцами Барабы…»……..... 33
Полнолуние……..... 34
«Я помру на закате…»…….....36
«Чибис над лодкою вьётся…»…….. 36
5. Из алтайской тетради (Памяти **В.М.Шукшина)**

1 «Воскресенье, идём на Пикет…»…….. 37
2 «Осилю горочку крутую…»……37
3 «Гора Бекет, гора Манак…»…….....38
4 «Ничего не боялся…»…… .38
5 «Хочу воедино связать рукава…»……...39
6 «Отцвела калина по тебе весной…»……...39
7 «Идёт с горы Пикет…»…….. 40
8 «Шукшин вернулся на Пикет…»…….. 40
9 «Шумит Катунь…»……..41
6. «Длинные гудки»
«Снегами лет не остуди меня…»……..... 42
«За то, что снишься в сумраке ночном…»…….. 42
«Тебя терять – не надо никогда…»……..... 43
«Я жестоким не верил словам…»…… 43
«Твоя душа – осенние озёра…»…… 44
«Тебе не тяжелее, чем другим…»……..... 44
«Есть прелесть тайная в руке…»…… 45
«Ты откровенна, как убийца…»…….....45
«Отвергнут мир. Иль нам война роднее...»……..45
«Испить до дна бокал вина…»……..46
«Потеряешь друга, не найдёшь…»……46
«Реальность – вот чего хочу…»……47
«Удар меча о щит Ахилла…»……47
«Морозец крепко нервы остудил…»……..48
«Случайно, у окна свистящего…»……48
«С тобою быть – не надо неба…»……..49
«Прощай, сирень…»……49
«Останется со мной твоя улыбка…»……50
«Растут из сердца странные цветы…» …… 50
«Если дождь начнётся и зарядит…»……..... 51
«Блесной золотою забросишь меня в перекаты…»……51
«Я позвонить тебе хочу…»……... ……52
«В колодец тёмного молчанья…»…… 52
«Мой предок, зверь в медвежьей шкуре…»……53
«За всё люблю: за тонкий шелест листьев…»…….....53
«Когда – ты, я не знаю о чём говорить…»……. 54
«А в глазах – непонятно откуда?..»…….. 54
«Я опрокинусь в тишину…»…… 55
«Здравствуй, ласточка моя, щебетунья…»…… 56
«Я виноват перед тобою…»…… 56
«Откроешь душу настежь…»…… 57
«Была мгновение со мной…»……..57
«Надень своё лучшее платье…»…….....58
«Белый свет – тяжёлая порода…»……..... 58
«Незаметное…»……59
«Лялю с лейкой я лелею…»…….. 59
7. «Нить синевы»
«Октябрь – настойка из рябиновой крови…»…… 60
«Клён – большое поле …»…… 60
«Под дождями плачут сиротливо гнёзда…»…….. 60
«Зорьки вечерней тяга…»…… 61
«Выйдешь в ночь иногда…»…… 61

Нить синевы…….. 62
«Как все, наверное, и я…»…… 63
«Будет жажда и мне…»……..…… 63
«Не стоит обольщаться, люди…»……64
«Клин журавлиный отравлен печалью…»…… ..64
«Где овраг тот…»……..……. 65
«Есть за что поэту гибнуть…»……..…… 65
«На базаре веников – навалом…»……..... 66
«Кошку били беспощадно…»……..... 66
На переходном мосту станции Инская…… .67
«Нет, не закончилась война…»…… 68
«Прощайте, фронтовые поэты…»…… 68
«Как проходят года…»…….. 69
8.Из цикла «Заметы»
Борис Богатков…… 70
Зинаида Гиппиус……...70
Николай Гоголь…… ……71
Николай Гумилёв ……71
Анатолий Мариенгоф……...72
Эдгар Аллан По……72
Игорь-Северянин («Нашёл не то…)……73
Иван Фёдоров……. ..73
9. «Лети, мой свет»
«В тот час, когда взрывают колоннады…»…… 74
«Бродягам и скитальцам – мой привет!..»……... 74
«Желтеет поодаль сурепка…»…… 75
«Ничего бы не знать, кроме строчки весёлой…»…….. 75
Печка…….. 76
«В предбаннике – начало колдовское…»……77
«Снежинок белое добро…»…….. 77
«Всю ночь терзал себя, бумагу и луну…»…….. 78
«И по сей день хожу и славлю…»……... 78
Лада. Венок сонетов ……79
«Есть души, которые…»……87
«Нараспашку и врастяжку …»…… 87
«В дороге человеку одиноко…»……..... 88
«Я – из старого покроя…»……88
«Лети, мой свет, где колки редки…»……..…….. .89
«Остаться бы в этом лесу…»……..…..89
«Я верю вам, зелёные подруги…»…...……..……...90
«Когда-нибудь себя договорю…»……90
«Разлились по родине озёра…»……91
Соборы Руси. Венок сонетов…….. 92

Часть вторая. Статьи, заметки

Гори, сияй, звезда полей. (О Николае Рубцове)…… 100
«Быстролётная песня» Владимира Набокова…… 105
«Любовь – планета не случайная» (А. Ореховский)…… 102
«Пусть в душе струится свет» (В. Жбанова)……... 116
«Параллельные миры» (Л.Лебедева)…… 123
«С призванием – нам светить» (О.Дубровина)……. 124

«Здесь живу душою…» (Ю.Карасёв)……. 126
«Возраст любви» (В.Некрасова)……. 127
«Я воплощусь…»(М.Духовная)……..... 131

Литературно-художественное издание

Анатолий Николаевич Побаченко

Околок жизни. Стихотворения, статьи, заметки

Редактор
Художественный редактор
Технический редактор, вёрстка
Корректор

Подписано в печать Формат
Бумага офсетная, печать трафаретная –
Усл. печ.л. Тираж 500 Заказ №

Анатолий Побаченко родился в деревне Казанцево Барабинского района Новосибирской области в крестьянской семье. После семилетки и средней школы (село Зюзя) учился в машиностроительном техникуме в Новосибирске. В Бийске окончил филфак педуниверситета имени В.М. Шукшина, работал в Алтайском крае, Новосибирской области и в Новосибирске.
Живёт и работает в Новосибирске. Ветеран труда России.
Лауреат конкурсов поэзии им. Г. Карпунина, «Дома Цветаевой».
Редактор поэтического альманаха «Аквилон».
Член Союза журналистов России, Союза писателей XXI века.

Автор сборников стихов:
«Взгляни грозе в глаза», 1992г.,
«Чингисхан, или Заря над степью»,1997г.,
«Анютины глазки», 1998г.,
«Ностальгия», 2004г.,
«Солонец», сонеты, 2009г,
«Околок жизни». Стихи, статьи, заметки, 2012г.